

ДИСКУСІЇ

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.

НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ФИНАЛА БРОНЗОВОГО ВЕКА

Реферат: В статье рассматриваются погребения финала бронзового века, обнаруженные к востоку и северо-востоку от ареала белозерской культуры. Основное внимание уделяется захоронениям Нижнего Подонья и Предкавказья, которые В.В. Потапов отнес к “отраденской культуре”. По мнению авторов, среди этих погребений присутствуют комплексы как минимум двух разных культурных групп: 1. Погребения финальной срубной культуры, для которых характерны скорченное на боку положение умерших и их ориентировка головой в интервале 45-135°; 2. Погребения со скорченным на боку положением умерших и их ориентировка головой в интервале 155-205°. Именно комплексы последней группы, согласно авторам, правомерно выделять в отраденскую культуру. В статье приводятся аргументы в пользу того, что данная культура сложилась в результате прихода населения с востока (из Зауралья).

Ключевые слова: финал бронзового века, погребение, отраденская культура, финальная срубная культура.

Наиболее известным из культурных образований финала бронзового века юга Восточной Европы является белозерская культура. Согласно взглядам В.В. Отрощенко и Н.П. Шевченко, изложенным в 1987 г., ее восточная “граница”¹ проходила по реке Молочная и, далее на север, по левому берегу Днепра до низовий Самары [Отрощенко, Шевченко 1987, с. 139-140]². Но какие культуры существовали в то время восточнее отмеченной “границы”? Для рассмотрения проблемы ключевое значение имеют захоронения Нижнего Подонья. В последние три десятилетия они привлекали внимание многих исследователей. Расширение базы источников показало, что ситуация на данной территории была намного сложнее, чем это казалось в 1970-е гг. Тогда Н.Н. Чередниченко в обобщающих исследованиях по срубным памятникам Подонья отмечал, что “белозерский этап представлен здесь всего четырьмя поселениями в дельте Дона” [Чередниченко 1973, с. 36]³, и что в конце бронзового века “ці райони були просто залишені зрубними племенами” [Чередніченко 1976, с. 23]⁴.

Прошло совсем немного времени, и в научный оборот начали вводиться материалы, свидетельствующие о том, что идея о запустении Нижнего Подонья и прилегающих территорий в конце эпохи бронзы не выдерживает критики. В частности, В.А. Коренько и В.Е. Максименко опубликовали погребение с бронзовым ножом из Северного П, 10/4, Ростовская обл. Авторы привели ножу многочисленные аналогии и убедительно обосновали его принадлежность к “белозерскому кругу бронзовых изделий” [Коренько, Максименко

¹ Слово “граница” применительно к культурам эпохи бронзы, как показала Н.А. Членова [1981, с. 26], не вполне корректно, а потому мы берем его в кавычки.

² Позже В.В. Отрощенко сместил данную “границу” далеко на восток [2001, с. 186-187].

³ Имелись в виду поселения, относимые сейчас к кобяковской культуре.

⁴ В переводе на русский язык: “Эти районы были просто оставлены срубными племенами”.

1978, с. 168, 171-175]. Правда, исследователи использовали в своей работе довольно высокую дату для данных ножей – X-VIII вв. до н.э. [Коренько, Максименко 1978, с. 172], но она отражает представления о хронологии, бытовавшие среди части археологов в 1970-е гг.

В 1982 г. была опубликована статья Н.А. Гаврилюк и Я.П. Гершковича. Ее авторы отнесли к “финальному этапу” бронзового века 3 захоронения, выявленные в к. 2 близ с. Кременевка Донецкой обл. (погребения 3, 4, 10). Критериями датировки послужили стратиграфические наблюдения и особенности погребального инвентаря (сосудов и височных подвесок) [Гаврилюк, Гершкович 1982, с. 67-70]. Стоит отметить, что другие исследователи позже датировали два первых погребения черnogоровским временем [Отрощенко, Шевченко 1987, с. 140; Махортых 2006, с. 282, 283]. Этот пример ярко иллюстрирует сложность распознавания захоронений финальной бронзы в Приазовье.

Э.С. Шарафутдинова, выделяя в развитии срубной культуры Нижнего Дона четыре этапа, отнесла к последнему из них несколько поселений и погребений, в т.ч. упомянутое выше захоронение из Северного [1985, с. 158, 163-164]. При этом IV этап исследовательница датировала XI-IX вв. до н.э. [Шарафутдинова 1985, с. 168]. Критериями отнесения к нему поселений стало наличие в керамике данных памятников “поздних признаков”. Что касается погребений, то “три-четыре курганных комплекса” были трактованы как принадлежащие к IV этапу на основании присутствия в них бронзовых ножей “белозерского типа” “с параллельными лезвиями”. Стоит сказать, что лезвия таких ножей далеко не всегда параллельны, а потому, возможно, более корректен термин “ножи с прямыми лезвиями”. Впрочем, лезвия рассматриваемых ножей не всегда прямые.

Но вернемся к построениям Э.С. Шарафутдиновой. Кроме погребений с бронзовыми ножами, исследовательница отнесла к срубным комплексам белозерского времени 1 захоронение с костяным втульчатым наконечником стрелы ромбического сечения [Шарафутдинова 1985, с. 158]. Наконец, еще 1 захоронение (могильник Балабинка III) было датировано IV этапом по сумме признаков:

1. Будучи срубным, о чем свидетельствует характерный для этой культуры сосуд, оно перекрывало “типичное позднесрубное захоронение”;

2. Комплекс демонстрировал “необычность” – могила имела меридиональную ориентировку, а умерший был кремирован [Шарафутдинова 1985, с. 157].

Один из авторов предлагаемой статьи также пытался выделять срубные погребения белозерского времени на основании стратиграфических данных [Полидович, Цимиданов 1994]. Это вызвало скепсис [Отрощенко 2001, с. 160], с правомочностью которого можно согласиться. Действительно, пытаясь решить очерченную проблему на основе лишь стратиграфических наблюдений, мы неизбежно столкнемся с другой – проблемой “шага стратиграфии”, а потому наши выводы будут уязвимы для критики. Более надежные результаты дает опора на датируемые вещи, и именно по этому пути пошли исследователи, задавшиеся целью выделить захоронения белозерского времени вне ареала белозерской культуры. В частности, в уже упоминавшейся работе В.В. Отрощенко и Н.П. Шевченко заострялось внимание на некоторых погребениях, исследованных восточнее р. Молочной (вплоть до левобережья Волги), где в качестве погребального инвентаря присутствовали ножи “белозерского типа”, провололочные височные подвески и браслеты, а также – сосуды, находящие аналогии в памятниках белозерского времени Северного Причерноморья. Выделенный к востоку от р. Молочная массив комплексов финальной бронзы при этом не рассматривался как нечто целостное в культурном плане. В частности, В.В. Отрощенко и Н.П. Шевченко отнесли погребение из Кременевки 2/10 к белозерской культуре, захоронения Нижнего Подонья и Северного Кавказа с ножами “белозерского типа” – к кобяковской культуре, а комплексы из могильников левобережной Волги – к “четвертому заключительному горизонту срубных погребений” [Отрощенко, Шевченко 1987, с. 140].

Следующей важной вехой в разработке интересующей нас проблематики явилась статья Э.С. Шарафутдиновой, где анализировались 10 захоронений белозерского времени из

Нижнего Подонья и степного Прикубанья, содержавших ножи “белозерского типа” и сосуды, которые могут быть датированы данным периодом [Шарафутдинова 1991б, с. 184-191]. Затрагивая проблему культурной атрибуции рассмотренных комплексов, Э.С. Шарафутдинова отметила, что по обряду они отличаются от собственно белозерских погребений Северного Причерноморья и близки к позднесрубным. Отсюда делался вывод о том, что часть проанализированных захоронений (6 из Нижнего Подонья и 1 из степного Прикубанья) следует отнести к “позднесрубной культуре”. Два комплекса с правобережья Кубани, по мнению автора, могут быть “как-то связанными” с кобяковской культурой. Наконец, 1 комплекс, исследованный на левом берегу Кубани “принадлежит скорее всего местной культуре конца бронзового века, подвергшейся известному кобанскому влиянию” [Шарафутдинова 1991б, с. 197]. Почти одновременно с данной работой была опубликована еще одна статья Э.С. Шарафутдиновой. Здесь отстаивалась точка зрения, согласно которой в Прикубанье “на белозерском, т.е. финальном этапе бронзового века” продолжала существовать срубная культура [Шарафутдинова 1991а, с. 78-79]. Эта идея находила сторонников и позже. Например, И.А. Сорокина отнесла к “прикубанскому варианту срубной общности” погребения с “вещами белозерского времени” – ножами “белозерского типа” [Сорокина 1995, с. 53, 54]. Немногим позже Я.Б. Березин и А.А. Калмыков, публикуя захоронения из Красногвардейского Ставропольского края, атрибутировали их как срубные белозерского этапа [Березин, Калмыков 1998, с. 60, 72].

Мощный прорыв в изучении интересующей нас проблематики был сделан В.В. Потаповым. В ряде своих работ он значительно расширил сводку погребений белозерского времени, выявленных в Волго-Донских степях, обосновав принадлежность к этому периоду ряда захоронений, ранее относившихся к срубной культуре и предскифскому времени, а также введя в научный оборот новые погребальные комплексы XII-X вв. до н.э. (см., напр.: Потапов 1997; 1998; 2000; 2005; 2007; 2010б). Выделяя на отмеченной территории захоронения финала поздней бронзы, В.В. Потапов опирался, главным образом, на датирующие предметы. В этом поиске, как констатировал сам исследователь, он использовал советы В.В. Отрощенко [Потапов 2005, с. 138].

С самого начала В.В. Потапов начал делить рассматриваемые им комплексы на две обрядовые группы. К первой он отнес погребения с костяками, ориентированными, в основном, на восток и северо-восток, ко второй – погребения, где костяки имели преимущественно южную и юго-западную ориентировки. В.В. Потапов обратил внимание на то, что между группами имеются различия и в погребальном инвентаре. Для комплексов первой характерно присутствие украшений, бронзовых ножей и кремней, а для второй группы – глиняных сосудов [Потапов 1998, с. 62; 2005, с. 142]. Отмечая, что ареалы захоронений этих обрядовых групп “перекрывают друг друга” [Потапов 2005, с. 142], автор, вместе с тем, констатировал, что большая часть комплексов второй группы выявлена на левобережье Нижнего Маныча [Потапов 2000, с. 66].

Занимаясь осмыслением факта существования столь разных обрядовых групп, В.В. Потапов пришел к выводу, что нет оснований относить их к “различным культурам и культурным типам” [Потапов 2000, с. 67]. Обосновывая правомерность объединения данных обрядовых групп в одно культурное целое, исследователь отметил, что в обеих, помимо скорченных погребений, присутствуют и вытянутые, и, кроме того, погребения и первой, и второй групп содержали кости животных, оселки, костяные пряслица, иглы [Потапов 2005, с. 144].

Не исключая того, что происхождение обряда погребений первой группы “является результатом трансформации позднесрубных погребальных традиций” [Потапов 1998, с. 62], В.В. Потапов, тем не менее, скептически отнесся к гипотезе Э.С. Шарафутдиновой о позднесрубной принадлежности рассматриваемых им погребений. По мнению исследователя, ей противоречат такие факты:

1. Значительная часть погребений ФПБ НД⁵ демонстрирует обряд положения покойников головой “в южный сектор”, что не характерно для нижнедонских погребений срубной культуры [Потапов 1998, с. 62];

2. По сравнению со срубной культурой, в массиве захоронений ФПБ НД “уменьшается, в целом, степень скорченности”, а “положение согнутых в локтях рук перед грудью или лицом перестает быть господствующим” [Потапов 1998, с. 62];

3. Почти “сходит на нет” обычай помещения в могилы сосудов, а сама керамика из рассматриваемых погребений типологически отлична от позднесрубной [Потапов 1998, с. 62];

4. В погребениях ФПБ НД гораздо чаще, чем в срубных, встречаются украшения и бронзовые ножи [Потапов 1998, с. 62];

Позже исследователь констатировал, что захоронения ФПБ НД “автономны в культурном отношении” от позднесрубных древностей, хотя генетически связаны с ними [Потапов 2005, с. 142].

Столь же решительно В.В. Потапов выступил против идеи о возможности отнесения учтенных им погребений к белозерской культуре, приводя в пользу этого следующие доводы:

1. Для белозерской культуры характерны курганы с основными погребениями, большие курганные, грунтовые и курганно-грунтовые могильники. Захоронения ФПБ НД, напротив, являются, как правило, впускными в курганы более раннего времени [Потапов 1998, с. 62; 2005, с. 144];

2. В белозерской культуре погребальный обряд унифицирован, в захоронениях ФПБ НД существуют две обрядовые группы [Потапов 2005, с. 144, 146];

3. Южная ориентировка значительной части погребений ФПБ НД не может быть основанием для включения Нижнего Подонья и сопредельных территорий в ареал белозерской культуры, ибо она встречается не только в последней, но и в других степных культурах этой эпохи [Потапов 1998, с. 62; 2005, с. 144];

4. В белозерской культуре преобладает “правобочное” положение умерших, в массиве погребений ФПБ НД – “левобочное” [Потапов 1998, с. 62; 2005, с. 144];

5. В захоронениях ФПБ НД с южной ориентировкой практически нет украшений, обычных для белозерских могильников [Потапов 1998, с. 62];

6. Погребения ФПБ НД содержат не только столовую (что типично для белозерской культуры), но и кухонную посуду [Потапов 1998, с. 62];

7. Некоторые сосуды из погребений ФПБ НД сходны с белозерскими, но они, в то же время, близки и кобьяковским [Потапов 1998, с. 62; 2005, с. 146].

8. Хотя “вещевые наборы” погребений ФПБ НД, с одной стороны, и белозерской культуры, с другой, совпадают, соотношение разных категорий находок неодинаково [Потапов 2005, с. 144];

9. Типы вещей из погребений ФПБ НД, сопоставимые с артефактами белозерской культуры, “чаще всего имеют широкий культурно-хронологический диапазон бытования”. Некоторые из них, возможно, являются импортом из белозерского ареала или – подражаниями белозерским изделиям [Потапов 2005, с. 147-148].

Стоит обратить внимание на то, что аргументов в пользу необходимости дистанцировать погребения ФПБ НД от комплексов белозерской культуры В.В. Потапов привел намного больше, чем аргументов в защиту автономности первых от срубных захоронений. Это можно рассматривать как косвенный довод в защиту гипотезы о генетической преемственности между рассматриваемыми В.В. Потаповым погребениями и срубной культурой.

⁵ Эта аббревиатура, предложенная В.В. Потаповым, означает: “финал поздней бронзы Нижнего Дона”.

Конец прошлого и начало нынешнего веков были ознаменованы выявлением новых погребений белозерского времени и на прилегающих к Нижнему Подонью территориях. В частности, значительно расширился банк источников по рассматриваемой теме благодаря раскопкам т.н. Большого Ипатовского кургана на севере Ставропольского края, где была исследована серия захоронений финала бронзового века [Кореневский и др. 2007, с. 31-34, 37, 42-43]. В тезисах доклада, прочитанного на XXI Крупновских чтениях (2000 г.), данные погребения были трактованы как принадлежащие к белозерской культуре и соотнесены с “группой белозерских погребений Нижнего Подонья и Прикубанья” [Белинский и др. 2008, с. 668]. Отнесение ипатовских захоронений к белозерской культуре вызвало поддержку В.В. Отрощенко [2001 с. 190] и скепсис В.В. Потапова [2005 с. 142], констатировавшего вместе с тем, что комплексы финальной бронзы северного Ставрополя “достаточно близки нижнедонским” [Потапов 2005, с. 148]. Впрочем, в появившейся позже полной публикации материалов Большого Ипатовского кургана упомянутые захоронения были атрибутированы уже более осторожно. Авторы, не заостряя внимания на культурной принадлежности комплексов, отметили лишь то, что по времени они соответствуют белозерской культуре [Кореневский и др. 2007, с. 113].

В 2010 г. В.В. Потапов защитил кандидатскую диссертацию “Памятники финальной бронзы Нижнего Подонья”, где подвел итог своим многолетним поискам. В автореферате диссертации были кратко изложены взгляды исследователя относительно интересующих нас памятников, сформулированные в более ранних работах. Но кое в чем В.В. Потапов пошел дальше. Он предложил выделить т.н. “отраденскую культуру”, к которой отнес захоронения двух упоминавшихся выше обрядовых групп [Потапов 2010а, с. 14-19]. Для обозначения рассматриваемых погребений В.В. Потапов в разные годы употреблял различные термины, в т.ч.: “погребения белозерского хронологического горизонта” [Потапов 1998], “памятники конца эпохи поздней бронзы” [Потапов 2000], “памятники финала поздней бронзы” [Потапов 2005, с. 138 и др.], “степные небелозерские памятники” [Потапов, 2005 с. 142], “постсрубные погребения” [Потапов 2005, с. 142; 2007, с. 272], “поздневаликовские памятники” [Потапов 2010а, с. 14]. По большей части эти термины довольно громоздки, и к тому же при их использовании приходится оговаривать территориальные рамки. Поэтому термин “отраденская культура”, предложенный в диссертации В.В. Потапова, очень удобен.

Признавая колоссальные заслуги В.В. Потапова в области выделения и изучения захоронений финала поздней бронзы на Нижнем Дону и сопредельных территориях, следует, однако, сказать, что точку в поиске, который вел этот исследователь, как нам кажется, ставить рано. Концепция В.В. Потапова порождает некоторые вопросы, ответить на которые мы попытаемся в предлагаемой работе.

Прежде всего возникает вопрос, насколько правомерно выделение “отраденской культуры”. Данная культура была выделена, как отмечает В.В. Потапов, “на основе единства территории, времени, эпохи и отдельных категорий вещей” [Потапов 2010а, с. 17]. Но достаточно ли единства по трем⁶ отмеченным пунктам, чтобы рассматривать массив погребений, изучаемых В.В. Потаповым, как археологическую культуру? И да, и нет. Все будет зависеть от того, что понимать под археологической культурой. В свое время Л.С. Клейн, проведя соответствующий историографический анализ, констатировал, что хотя понятие “археологическая культура” и является фундаментальным в археологической науке, единого и четкого представления об этом понятии нет, и под термином “археологическая культура” “каждый исследователь понимает нечто свое” [Клейн 1991, с. 126]. Л.С. Клейн, рассмотрев критерии выделения археологических культур, которые использовались различными исследователями, свел существующие определения рассматриваемого понятия к 8 основным версиям [Клейн 1991, с. 132-153; 2012, с. 273-284]. Не вдаваясь в детали, отметим, что подход В.В. Потапова, продемонстрированный им при выделении

⁶ Не совсем ясно, какие оттенки автор диссертации вкладывает в понятия “время” и “эпоха”.

“отраденской культуры”, наиболее близок к т.н. “территориальной или картографической версии”. Суть такого подхода была изложена, например, А.Л. Монгайтом. В своей работе 1965 г. этот исследователь охарактеризовал археологическую культуру как общность “археологических памятников, относящихся к одному времени, отличающихся местными своеобразными особенностями и сосредоточенных на определенной ограниченной территории” [цит. по: Клейн 1991, с. 135; ср.: Клейн 2012, с. 275]. Из приведенной цитаты видно, что А.Л. Монгайт в своем определении вольно или невольно не заострял внимания на одном из важнейших признаков археологической культуры – специфическом погребальном обряде. А между тем еще в 1920-е гг. Г. Чайлд, давая определение понятию “культура” применительно к археологическим памятникам, считал необходимым это сделать⁷. То же можно видеть и в более поздних работах этого исследователя [см.: Клейн 1991, с. 142].

Археологи СССР и постсоветского пространства, занимавшиеся проблематикой эпохи бронзы, стояли, по большей части, на позициях, близких к чайлдовской. В этом не трудно будет убедиться, если мы обратимся к работам, авторы которых обосновывают правомерность выделения некой совокупности памятников в самостоятельную археологическую культуру, тип или культурную группу. Как правило, исследователи заостряют внимание на том, что данной культуре (типу, группе) присущ комплекс специфических признаков, среди которых не на последнем месте стоят особенности погребального обряда⁸ [см., например: Березанская 1976, с. 202; Потемкина 1983, с. 13-14; Черняков, Тощев 1985, с. 11, 13; Гей 1986, с. 13; Отрощенко 1986, с. 124-134; 1998, с. 54, 57; Петренко 1989, с. 92-97; Васильев и др. 1991, с. 8-9; Алексеева 1992, с. 29, 30, 40-41; Отрощенко 1998, с. 52, 57; Мимоход 2007, с. 143-152].

Рассматривая погребальный обряд той или иной археологической культуры (типа, группы), исследователи почти всегда обращают внимание на ориентировку погребенных⁹. Данная составляющая погребального обряда рассматривается многими авторами как один из важнейших культуросопределяющих признаков [см., например: Дворянинов и др. 1981, с. 22; Яровой 1985, с. 52; Трифонов 1991, с. 93; Санжаров 2008, с. 32]. Действительно, многим археологическим культурам эпохи бронзы степи и прилегающих к ней регионов лесостепи присуще преобладание определенной ориентировки погребенных. Это демонстрируют, например, ранние памятники ямной культуры большинства регионов [Трифонов 1991, с. 109, 121; Шишлина 2007, с. 113-114], поздние памятники ямной культуры многих регионов [Трифонов 1991, с. 113, 121], погребения предкатакомбной культуры Прикубанья [Трифонов 1991, с. 123], ранней катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия [Шишлина 2007, с. 186], ранние памятники новотитовской культуры [Трифонов 1991, с. 131; Гей 2000, с. 104], поздние памятники этой же культуры [Трифонов 1991, с. 133; Гей 2000, с. 105], погребения северокавказской культуры [Трифонов 1991, с. 136], лопатинской культуры [Мимоход 2007, с. 145, 150, 151], памятники средневожской абашевской культуры [Кузьмина 1992, табл. 1], ранние погребения доно-вожской абашевской культуры [Пряхин, Беседин 2001, с. 17], ее поздние погребения [Пряхин, Беседин 2001, с. 17], памятники покровской культуры [Малов 1989, с. 85], поздние памятники культуры многоваликовой керамики Прутско-Днестровского междуречья [Савва 1992, с. 145], погребения сабашиновской культуры [Березанская, Шарафутдинова 1985, с. 494], Ноа [Балагури 1985, с.

⁷ Г. Чайлд тогда не использовал словосочетания “археологическая культура”.

⁸ Правда, не всегда удается выделить достаточное количество захоронений, связанных с данным культурным феноменом, и тогда акцент смещается в сторону других признаков, чаще всего – особенностей керамического комплекса (см., например: Березанская 1960, с. 26-39; Березанська, Іллінська 1971, с. 365; Обыденнов 1985, с. 128-137; Пряхин, Беседин 1988, с. 25; Лопатин 2012, с. 58).

⁹ При этом, как правило, в расчет берется то, в какую сторону умерший был уложен головой. Существует и другой подход, предполагающий, что в случае с некоторыми культурами более важно учитывать, куда он уложен лицом [Берестнев 2001, с. 99; Мельник 2003, с. 102; Циміданов 2004, с. 235] или ногами [Берестнев 2001, с. 99; Циміданов 2004, с. 237].

483], белозерской культуры южной подзоны [Отрощенко 1986, с. 131] и северной подзоны [Отрощенко 1986, с. 132], петровской [Зданович 1988, с. 134], алакульской [Зданович 1988, с. 143], федоровской культур [Зданович 1988, с. 147] и ряда других культурных образований.

Поэтому не удивительно, что многие авторы используют ориентировку погребений как критерий для разграничения культур и культурных групп. Так поступила, например, Э.А. Федорова-Давыдова, разделяя погребения эпохи поздней бронзы Южного Приуралья на срубные и алакульские [1968, с. 7-8]. Позже Н.Г. Рутто также заостряла внимание на том, что срубная и алакульская культуры Южного Урала различаются ориентировкой умерших [Рутто 2003, с. 55]. Н.К. Качалова считала одной из характернейших особенностей погребений т.н. “бережновского горизонта” срубной культуры восточную ориентировку [Качалова 1978, с. 73]. Е.П. Мыськов, затрагивая проблему разграничения погребений бережновского и покровского типов, писал, что они различаются ориентировкой погребенных [1991, с. 161]. Я.П. Гершкович, выделяя абашевские погребения на Северском Донце, отмечал, что они, в отличие от срубных, демонстрируют “тяготение к северной ориентировке” [Гершкович 1982, с. 55]. С.Н. Санжаров, пытаясь вычленив из массива погребений, отнесенных к позднемным и позднекатакомбным, комплексы “развитого этапа доно-волжской абашевской культуры”, в качестве одного из главных критериев брал ориентировку могильных ям по линии юго-восток – северо-запад [Санжаров 2008, с. 25]. На ориентировку погребенных делал главный упор Л.С. Ильюков, определяя культурную принадлежность погребений позднего бронзового века из курганов Миусского п-ова [Ильюков, Казакова 1988, с. 86-103]. О.В. Кузьмина, обосновывая автономность памятников “относимых к абашевской культуре на Дону”¹⁰ от памятников абашевской культуры Среднего Поволжья и Южного Урала, отметила, что захоронения Дона демонстрируют, в основном, ориентировку в северо-восточный сектор, а абашевские Волго-Уралья – в юго-западный [Кузьмина 1992, с. 11]. В дальнейшем, рассматривая соотношение абашевской и покровской культур, О.В. Кузьмина сравнивала ориентировку их захоронений [1995, с. 29]. И.Л. Алексеева, аргументируя выделение суворовской и утконосовской культурных групп, заостряла внимание на различиях между ними в ориентировке [Алексеева 1992, с. 40, 41]. В.А. Лопатин, отнес часть погребений Смеловского могильника к памятникам криволукского типа, используя в качестве одного из критериев восточную ориентировку погребенных [Лопатин 2010, с. 71]. Число подобных примеров можно многократно увеличить. Данные об ориентировке погребенных использовались даже для реконструкции этнических процессов. Так, Н.А. Рычков выделил на основе ямных погребений Северного Причерноморья несколько “этносов”, характерным признаком каждого из которых являлась ориентировка умерших [Рычков 1990, с. 13-14]. Словом, многочисленные примеры показывают, что применительно к степным и лесостепным памятникам эпохи бронзы ориентировка умерших является, как правило, важнейшим признаком археологической культуры.

Но захоронения “отраденской культуры” демонстрируют довольно разнообразную ориентировку [см.: Потапов 2010а, табл. на с. 15]. Чем это могло быть обусловлено? Для рассмотрения вопроса мы будем опираться на погребения белозерского времени¹¹ Нижнего Подонья и прилегающих к нему территорий юга Нижнего Поволжья и Предкавказья. В административном плане это – памятники, выявленные на территории юга Ростовской, юга Волгоградской, Астраханской областей, Краснодарского и Ставропольского краев¹². Таких комплексов нами учтено 57 (см. Прил. 1, №№ 1-54, 63, 65, 66). Данные погребения демонстрируют не только разнообразие ориентировки, но и вариации поз погребенных

¹⁰ Имеются в виду памятники, обычно относимые к доно-волжской абашевской культуре.

¹¹ Мы не брали в расчет погребения кобяковской культуры.

¹² Примерно таким образом очерчивает ареал “отраденской культуры” В.В. Потапов (см.: Потапов 2010а, с. 17).

(сильно и слабо скорченные на боку – левом и правом, вытянутые на спине). Вместе с тем, большинство учтенных захоронений четко распадается на 4 группы:

Ia. Погребения, где умершие были скорчены на левом боку и ориентированы головой в интервале 45-135°. Данных комплексов нами учтено 27 (№№ 1-3, 5, 8, 10, 11, 15, 16, 23, 25-27, 31, 33, 34, 37, 38, 42, 43, 45, 47, 50, 52, 53, 65, 66 в Прил. 1);

Iб. Погребения, где умершие были скорчены на правом боку и ориентированы головой в интервале 45-135°. Данных комплексов учтено 8 (№№ 29, 36, 40, 44, 46, 49, 51, 54 в Прил. 1);

IIa. Погребения, где умершие были скорчены на левом боку и ориентированы головой в интервале 155-205°. Данных комплексов учтено 6 (№№ 17, 19, 28, 35, 48, 63 в Прил. 1);

IIб. Погребения, где умершие были скорчены на правом боку и ориентированы головой в интервале 155-205°. Данных комплексов учтено 6 (№№ 4, 18, 20, 21, 32, 39 в Прил. 1).

Проанализируем выделенные группы¹³.

Группа Ia

Из 27 погребений 3 были выявлены в грунтовых могильниках, причем в могильнике Салок I их было 2. Остальные захоронения являлись впускными в курганы, причем нам не известно ни одного случая совершения досыпок в связи с данными захоронениями. Обычно в кургане присутствовало лишь 1 погребение группы Ia. Исключением являлся лишь Большой Ипатовский курган, в котором оказалось 4 комплекса рассматриваемой группы.

По 19 комплексам есть данные о расположении погребений в пределах кургана. При этом 4 захоронения находились в центре насыпи, 2 – к северо-востоку от него, 1 – к востоку-северо-востоку, 2 – к востоку, 5 – к юго-востоку, 1 – к югу, 1 – к западу. Здесь стоит обратить внимание на то, что чаще всего захоронения группы Ia впускались в южную половину насыпи (37,5% погребений с известной локализацией) и в центр (21,1%).

Возраст 2 умерших нам неизвестен, 1 являлся ребенком, 24 – взрослыми. Среди последних 5 были мужчинами (25-30, 35-45, 40-45, 45-55 (2 случая) лет), 5 – женщинами (в т.ч. 30-40, 35-45 и более 55 лет). Возраст одного из взрослых без определения пола составлял более 30 лет. Таким образом, в группе Ia преобладают взрослые (96% лиц, возраст которых определен).

Степень скорченности погребенных была различной. Ниже мы с некоторой долей условности выделяем три ее варианта: а) сильная (бедренные кости образовывали с позвоночным столбом острый угол); б) средняя (соответствующий угол был близок к прямому); в) слабая (угол являлся тупым). Данные о степени скорченности имеются по 26 захоронениям. При этом сильная скорченность имела место в 9 случаях (34,6% комплексов, где соответствующий параметр известен), средняя – в 10 (38,5%), слабая – в 7 (26,9%).

Еще один важный признак – положение рук погребенных. В группе Ia он демонстрирует следующие варианты:

а) обе руки были согнуты в локтевых суставах под острым углом – 7 случаев (35% от 20 комплексов, где установлено положение обеих рук). Стоит отметить, что данный вариант более всего коррелируется с сильной скорченностью умерших (4 комплекса из 7). Со средней скорченностью признак коррелируется 2 раза, а со слабой – 1;

б) обе руки были вытянуты вдоль тела (иногда они при этом слегка согнуты в локтях) – 5 случаев (25%). Похоже, данный вариант наиболее коррелируется со слабой и средней

¹³ От ряда учтенных в Прил. 1 захоронений очерченной выше территории мы пока абстрагируемся, а именно – от комплексов четырех групп: а) разрушенных настолько, что ориентировка умерших не устанавливается (№№ 6, 22, 24, 41); б) с вытянутым на спине положением умерших (№№ 12, 14); в) с ориентировкой умерших, скорченных на боку, головой на север и север-северо-запад (№№ 13, 30); г) с ориентировкой умерших, скорченных на боку, головой на запад-юго-запад (№№ 7, 9).

скорченностью (2 и 1 случай соответственно; по 2 комплексам степень скорченности неизвестна);

в) левая рука была вытянута вдоль тела, правая согнута в локте под углом, близким к прямому, – 3 комплекса (15%). Во всех случаях степень скорченности являлась средней;

г) левая рука была согнута в локте под острым углом, правая – под прямым – 3 случая (15%). Все 3 раза скорченность являлась сильной;

д) обе руки были согнуты в локтях под прямым углом и направлены кистями вперед – 2 случая (10%). Скорченность оба раза являлась сильной.

В 6 захоронениях присутствовали кости животных (мелкого рогатого скота). В 1 комплексе они выявлены в заполнении могильной ямы (данных об их составе нет), в 5 – на ее дне (челюсть и другие кости; кости конечностей (2 случая); кости конечностей, лопатка и другие кости; кости конечностей и таза).

Погребальный инвентарь, содержащийся в захоронениях группы Ia очень разнообразен. Данные о его категориях приведены в таблице 1.

В 2 захоронениях была охра, размещавшаяся в одном случае у колен, а в другом – у стоп.

Группа Ib

Стоит отметить, что большая часть захоронений данной группы (6 из 8) выявлена в Предкавказье – на территории Краснодарского и Ставропольского краев. По сути, и 1 из 2 оставшихся комплексов, обнаруженный на Среднем Маныче, также территориально более тяготеет к Предкавказью, чем к Нижнему Дону. Все захоронения являлись впускными в курганы. Досыпки не зафиксированы. Любопытно, что 4 комплекса группы Ib, т.е. половина, находились в одном кургане (Большом Ипатовском). В остальных случаях в кургане присутствовало по 1 захоронению рассматриваемой группы.

В 7 случаях есть данные о расположении погребений в пределах кургана. При этом 1 комплекс выявлен к северу от центра, 2 – к северо-востоку, 3 – к юго-востоку и 1 – к югу. Можно обратить внимание на то, что рассматриваемые погребения более тяготеют к южной части курганных насыпей. Вдобавок ни одно из них не находилось в западной половине кургана.

Среди умерших было 6 взрослых (75%) и 2 подростка 11-12 лет. Пол взрослых в 3 случаях определен как мужской (в т.ч. мужчина 35-45 лет), в 1 – как женский (35-45 лет). Но отмеченная диспропорция полов, вполне возможно, является иллюзорной, поскольку рассматриваемая сводка слишком мала.

Скорченность в 5 случаях была сильной и в 3 – слабой.

Положение рук известно в 7 случаях. Любопытно, что лишь 1 раз руки были согнуты в локтях под острым углом (в погребении с сильно скорченным костяком). Дважды правая рука являлась вытянутой вдоль тела, а левая – согнутой (оба погребения – слабоскорченные). В 2 случаях правая рука была согнутой под острым углом, а левая – под прямым (1 сильноскорченное и 1 слабоскорченное погребения). В 2 случаях, напротив, под прямым углом была согнута правая рука, а под острым – левая (оба умерших были сильно скорчены).

Кости животных (конечности овцы) выявлены лишь в 1 погребении.

Инвентарь захоронений группы Ib менее разнообразен, чем в группе Ia (см. табл. 1).

Группа IIa

Все захоронения являлись впускными в курганы и не сопровождалась досыпками. Ни в одном из курганов не было более 1 рассматриваемого захоронения. Отметим, что в Предкавказье нам известен лишь 1 комплекс группы IIa (Большой Ипатовский курган). Прочие 5 обнаружены на Нижнем Дону.

Очень мало данных и о планиграфических позициях погребений в курганах. 1 выявлено к северо-востоку от центра, 1 – к юго-востоку, 1 – к западу.

Данные о возрасте и/или поле имеются лишь по 4 погребениям. 3 умерших являлись взрослыми, в т.ч. женщина и женщина с возрастом более 55 лет. Четвертый погребенный был подростком 7-9 лет.

Для рассматриваемой группы более характерна сильная скорченность. Она имела место в 5 случаях. Шестой комплекс демонстрирует среднюю скорченность.

Положение рук известно в 4 случаях. При этом трижды руки были согнуты под прямым углом и 1 раз протянуты вдоль тела.

В 2 погребениях выявлены трубчатые кости мелкого рогатого скота.

Данные о категориях инвентаря, обнаруженного в погребениях, приведены в таблице 1.

В 1 захоронении была охра.

Группа IIб

Все 6 погребений являлись впускными в курганы и не сопровождалась досыпками. В одном кургане было 2 погребения данной группы, в остальных – по 1. Большая часть комплексов (4) исследованы на Нижнем Дону, остальные – в Предкавказье.

Применительно к 5 комплексам есть данные об их размещении в курганах. При этом 2 находились к северо-востоку от центра, 2 – к северо-северо-западу и 1 – к северо-западу.

Среди погребенных было 6 взрослых, в т.ч. мужчина 30-35 лет и 2 женщины (возраст одной – 50 лет). Как предположительно женский определен пол и еще одного погребенного. Наконец, 1 умерший являлся подростком.

Скорченность в 1 случае была слабой, в 3 – средней и в 2 – сильной.

Лишь в 3 случаях есть данные о положении рук. В 1 случае они были согнуты в локтях под острым углом (среднескорченный костяк), в 2 протянуты вдоль тела (среднескорченный и слабоскорченный костяки).

Кости животных обнаружены в 2 захоронениях (позвонки мелкого рогатого скота; конечности и лопатка мелкого рогатого скота). Сведения о категориях погребального инвентаря, выявленного в погребениях данной группы, приведены в табл. 1.

Сравнение захоронений групп Ia и Ib показывает совпадение, помимо ориентировки, по следующим признакам (см. табл. 1; 2):

1. Среди умерших преобладают взрослые;
2. Удельный вес мужчин в группе – половина и более;
3. Захоронения чаще впускались в южную часть насыпи, чем в северную;
4. Преобладает сильная и средняя степень скорченности умерших;
5. Из 6 встречающихся положений рук совпадают 3;
6. В захоронениях обеих групп присутствовали кости животных;
7. В обеих группах выявлены сосуды, фрагменты керамики, костяные пряслица, бронзовые ножи, бляшки, проволочные подвески, астрагалы, кремни, сера. В целом, совпадают 9 категорий погребального инвентаря из 32, которые встречаются в рассматриваемых группах (см. табл. 2), т.е. 28,1%. Добавим, что если брать в расчет лишь те категории, которые были встречены хотя бы в одной из групп 2 и более раз, то совпадение составит 50,0%;

8. В группах Ia и Ib среди категорий некерамического инвентаря по частоте встречаемости на первом месте стоят украшения (55,5% и 62,5% соответственно), а на втором – бронзовые ножи (37,0% и 25,0%).

Вместе с тем, стоит отметить и некоторые различия, имеющиеся между массивами захоронений:

1. В группе Ia наибольший вес составляют среднескорченные погребения, а в группе Ib – сильноскорченные;

2. В группе Ia руки умерших чаще всего были согнуты в локтях под острым углом или (несколько реже) протянуты к коленям. В группе Ib обе отмеченные положения рук нам неизвестны;

3. В группе Ia чаще, чем группе Ib, встречается некерамический инвентарь. Ситуация с керамикой диаметрально противоположна;

4. Инвентарь в группе Ia более разнообразен, чем в группе Ib (28 категорий против 13). Вместе с тем, все категории погребального инвентаря, присутствующие в группе Ib более одного раза (сосуд, бронзовый нож, астрагалы, кремь) находят соответствие в группе Ia. Таким образом, различие между двумя группами по инвентарю заключается лишь в нескольких редких категориях вещей.

В целом, на наш взгляд, можно констатировать, что отмеченные различия между группами Ia и Ib не перекрывают сходства между ними и не препятствует отнесению данных групп к одной археологической культуре.

Сравнение групп Ia и Ib показывает сходство между ними по следующим параметрам (см. табл. 1; 2):

1. Среди умерших в обеих группах преобладают взрослые, причем удельный вес мужчин – не более четверти;

2. Для погребений обеих групп не характерно размещение в южной части курганной насыпи;

3. Преобладают средняя и сильная скорченность;

4. В обеих группах зафиксировано два одинаковых положения рук;

5. В захоронениях обеих групп обнаружены кости животных;

6. В комплексах обеих групп выявлены сосуды, костяные и керамические пряслица. В целом совпадают 3 из 5 выявленных в группах категорий инвентаря.

Различий между группами Ia и Ib, пожалуй, еще меньше, чем между группами Ia и Ib. Наиболее существенны из их следующие:

1. Погребения группы Ia чаще попадали в восточную половину курганной насыпи, а погребения группы Ib – в западную;

2. В группе Ia сильная скорченность погребенных встречается чаще, чем средняя, а в группе Ib – наоборот;

3. В группе Ia руки умерших чаще были согнуты под острым углом, в группе Ib – вытянуты к коленям.

Итак, с достаточной долей вероятности можно отметить, что погребения групп Ia и Ib относятся к одной археологической культуре.

Сравнение двух массивов захоронений – I (группы Ia и Ib, взятые суммарно) и II (группы Ia и Ib) (см. табл. 3 и 4) показывает, что между ними нет практически ничего общего ни в смысле особенностей погребального обряда, ни в смысле инвентаря. Наиболее существенные различия между массивами заключаются в следующем:

1. В массивах сильно различается соотношение полов погребенных. При этом в массиве I преобладают мужчины, а в массиве II – женщины;

2. Погребения массива I чаще всего впускались в южную половину кургана, а погребения массива II – в северную. Кроме того, серия погребений массива I была впущена в центральную часть кургана. В массиве II такие погребения нам неизвестны;

3. В массиве I удельный вес захоронений с положением умерших на левом боку значительно выше, чем в массиве II;

4. Хотя в обоих массивах численно доминируют захоронения с сильной и средней скорченностью, в массиве I удельный вес погребений со слабой скорченностью намного выше, чем в массиве II;

5. В обоих массивах численно преобладают комплексы, где руки погребенных были согнуты под острым углом, однако частота встречаемости данного знака в массиве II намного выше. То же касается и знака “руки вытянуты вдоль тела”. Добавим, что в массиве I положение рук куда более разнообразно, чем в массиве II;

6. В погребениях массива I значительно реже, чем в погребениях массива II встречены кости животных и сосуды. В то же время, в комплексах массива I выявлены фрагменты керамики, что для массива II не характерно;

7. Совпадения в категориях погребального инвентаря между двумя массивами минимальны (сосуды, пряслица, оселки, куски мела). При этом, в массиве I не встречены глиняные пряслица, а удельный вес захоронений с пряслицами намного ниже, чем в массиве II. Намного ниже в массиве I и процент погребений с сосудами;

8. В массиве I довольно велик удельный вес захоронений с украшениями, в массиве II таких захоронений нам неизвестно, и это тем более удивительно, что в последнем массиве необычайно высок удельный вес женских захоронений.

В итоге, если задаться целью объединить массивы I и II в одну культуру, придется апеллировать к знакам, которые являются надкультурными:

1. И для массива I, и для массива II характерны впускные в курганы захоронения;

2. В погребениях обоих массивов костяки были скорченными;

3. И в I, и во II массивах встречаются захоронения, где умершие были положены как на левом, так и а правом боку;

4. В обоих массивах руки погребенных чаще всего были согнуты в локтях под острым углом.

5. В комплексах обоих массивов выявлены пряслица. Но данная категория инвентаря в рассматриваемое время попадала в захоронения разных культурных образований. Например, они известны в белозерской культуре [Ванчугов 1990, рис. 38, 4] и захоронениях финала бронзы Левобережной Украины [Ромашко 1984, с. 106-107; 1999, с. 125; Клименко 1999, рис. 1, 7; Супруненко 2007, рис. 105]. То же касается оселков [Потапов 2005, с. 147].

Особо стоит остановиться на керамике из рассматриваемых захоронений. В погребениях **массива I** нам известно 8 сосудов (в одном комплексе их было 2) (рис. 1)¹⁴. Обратим внимание на то, что большая их часть (6 из 8) выявлена в захоронениях Предкавказья (юг Ростовской обл., Краснодарский и Ставропольский края). Одно погребение с сосудом исследовано на Нижнем Дону (Мартышкна Балка, п. 92) и одно – на Нижней Волге (Барановка 2/6). Таким образом, можно констатировать, что для погребений Нижнего Подонья в подавляющем большинстве случаев характерно отсутствие керамики. Добавим, что присутствие сосуда в захоронении массива I не коррелируется с положением умерших на определенном боку. В частности, из 7 умерших, похороненных с сосудами, 5 были уложены на левом боку, а 2 – на правом. Большая часть сосудов происходит из захоронений взрослых. Один умерший являлся подростком (11-12 лет). Пол (мужчина) определен лишь в 1 случае.

Керамические формы из погребений массива I довольно разнообразны: горшок (рис. 1, 1), миска (рис. 1, 2), черпак (рис. 1, 7), кувшиновидные сосуды (рис. 1, 3, 4)¹⁵, кубковидный сосуд (рис. 1, 6). В.В. Потапов уже обращал внимание на то, что керамика из “отраденских” захоронений находит аналогии в синхронных культурах, особенно, кобяковской и белозерской, но при этом подчеркивал что безусловно белозерских форм здесь нет [Потапов 2005, с. 146]. Важно добавить, что посуда из захоронений массива I представлена, в основном, типами, которые являются надкультурными. В частности, относительно горшка из Батурина I 9/10 (рис. 1, 1) Э.С. Шарафутдинова отметила, что по форме он близок позднедонецким, кобяковским и белозерским формам [Шарафутдинова 1991б, с. 190]. Особенностью данного сосуда является наличие уступа, располагающегося на границе шейки и плечиков. Данный признак позволяет сопоставлять рассматриваемый сосуд прежде всего с кобяковской керамикой, где подобные формы представлены достаточно хорошо [Шарафутдинова 1980, табл. II, 9; VII, 12].

¹⁴ В таблицу не помещен рисунок сосуда из Южного, 3/1, т.к. форма его не восстанавливается.

¹⁵ Вероятно, и рис. 1, 5.

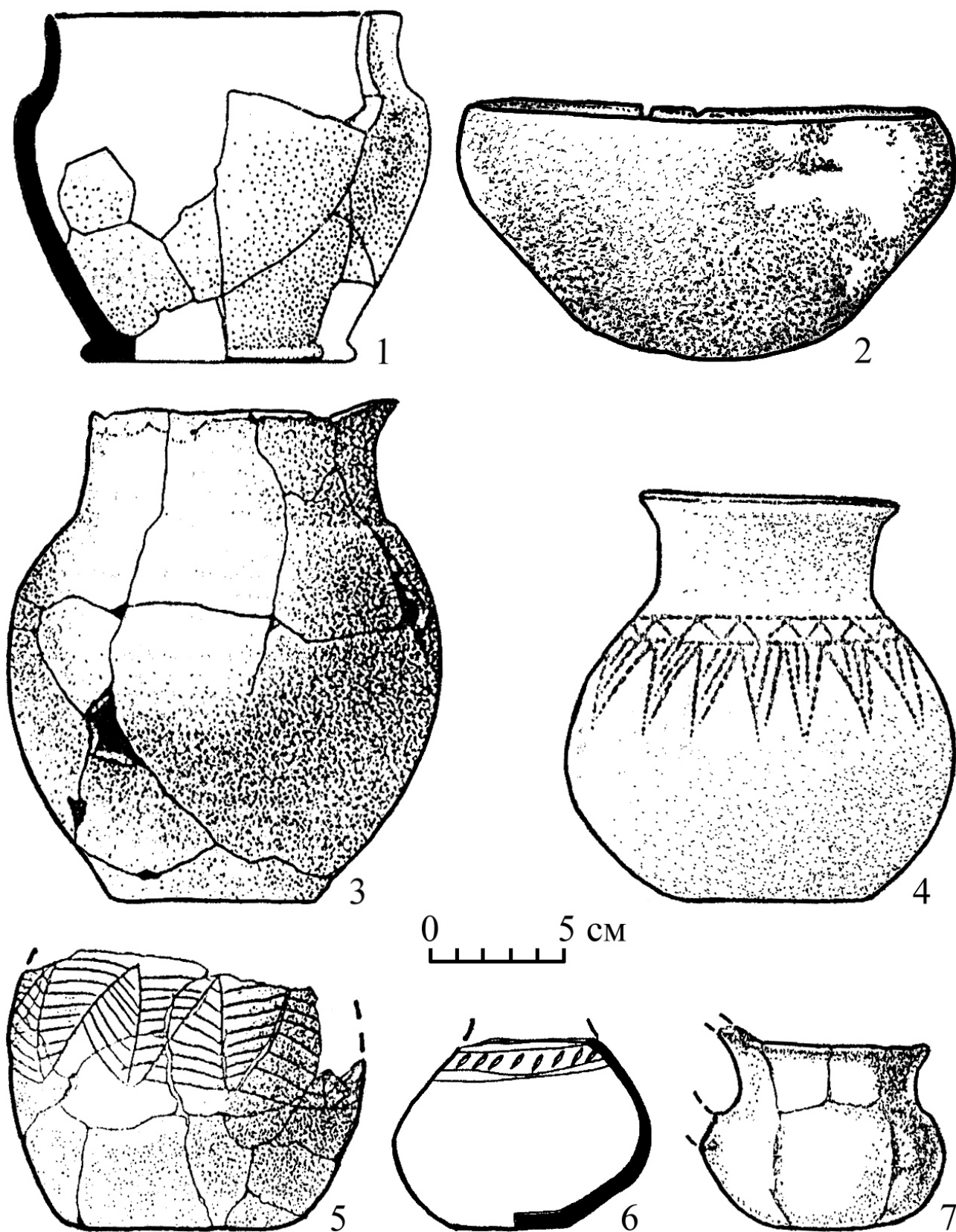

Рис. 1. Сосуды из погребений массива I: 1, 7 – Батуринский I 9/10; 2 – Барановка 2/6; 3 – Большой Ипатовский курган п. 5; 4 – Анапский I 2/3; 5 – Большой Ипатовский курган п. 11; 6 – Мартышкина Балка п. 92

Fig. 1. Vessels from the burials of array I

Миска с загнутым внутрь краем из Барановки 2/6 (рис. 1, 2) может быть сопоставлена с сосудами кобяковской культуры [Шарафутдинова 1980, табл. XXVII, 11, 20, 22, 25] и кизил-кобинской культуры старшего дотаврского периода [Кравченко 2011, рис. 14, 13]. Несколько более отдаленные аналогии можно найти в срубной культуре [Ромашко 1995, рис. 5, 11].

Кувшиновидный сосуд из Большого Ипатьевского кургана, п. 5 (рис. 1, 3) по двум признакам: 1) наличие прямостоящего горлышка с отогнутым краем; 2) наличие резкого перегиба при переходе от горлышка к тулову можно сопоставить с сосудами кобяковской культуры [Шарафутдинова 1980, табл. VII, 9]. Но аналогии ему есть и в бондарихинской культуре [Дубинец 2003, рис. 1, 11].

Кувшиновидный сосуд из Анапского I 2/3 (рис. 1, 4) по форме находит параллели в кобяковской культуре [Шарафутдинова 1980, табл. XIX, 5]. Точные аналогии выполненному на нем орнаменту нам неизвестны, но схема построения композиции (горизонтальный пояс в верхней части тулова с отходящими от него вниз треугольниками) встречается в различных культурах белозерского времени – кобяковской [Шарафутдинова 1980, табл. XIX, 7], бондарихинской [Гершкович 1998, рис. 8, 9; Телиженко, Супрун 2004, рис. 11, 6, 9], белогрудовской [Шарафутдинова 1982, рис. 27, 10] и других [Ромашко 1998, с. 80]. Данная схема построения орнамента использовалась и в предскифское время [см., например: Махортых 2005, рис. 59, 3; 81, 8].

На фрагментированном сосуде из Большого Ипатьевского кургана, п. 11 (рис. 1, 5) присутствует орнамент, в состав которого входят нарочито небрежно заштрихованные углы. Нечто подобное можно видеть в кобяковской [Шарафутдинова 1980, табл. XXII, 8] и бондарихинской [Горбов, Усачук 1990, рис. 15, 17; 2001, рис. 8, 13] культурах.

Фрагментированный сосуд из Мартышкиной Балки, п. 92 (рис. 1, 6) по форме и орнаменту довольно близок сосуду из белогрудовского погребения могильника Компанийцы Полтавской обл. [Шарафутдинова 1982, рис. 27, 10]. На обоих изделиях выполнен орнамент в виде пояса с косой штриховкой (горизонтальной “лестничкой”). Правда, на сосуде из Компанийцев от пояса вниз еще отходят треугольники.

Ближайшие аналогии черпаку из Батуриного I 4/10 (рис. 1, 7) можно найти в кизил-кобинской культуре старшего дотаврского периода. В частности, такой черпак найден в яме 31 раскопа 1 поселения Уч-Баш в Крыму [Кравченко 2011, рис. 18]. Яма относится к горизонту I-УБ [Кравченко 2011, с. 45], который датируется второй половиной XI в. до н.э. [Кравченко 2011, с. 91-92]. Разнообразные черпаки, в т.ч. и близкие артефакту из Батуриного, есть и в белозерской культуре [Отрошенко 1986, рис. 39, 2; Ванчугов 1990, рис. 25, 9, 12; 28, 1, 2; 30, 5 и др.; Евдокимов 1999, рис. 3, 10]. Более отдаленными аналогиями рассматриваемому изделию являются сосуды белогрудовской [Шарафутдинова 1982, рис. 27, 6] и кобяковской культур [Шарафутдинова 1991а, рис. 4, 11].

Сосудов из погребений **массива II** нами учтено 6 (рис. 2). Они представлены горшком (рис. 2, 1), “плошкой” (по терминологии В.В. Потапова [2000, с. 64]) (рис. 2, 2), кувшиновидными сосудами (рис. 2, 3-5) и, вероятно, кубком (рис. 2, 6).

Горшок из Высочино V 29/9 (рис. 2, 1) по наличию на нем орнамента в виде “жемчужин” может быть сопоставлен с некоторыми сосудами поселения финальной бронзы Шоссейное Белгородской обл. [Смирнов, Сорокин 1984, рис. 3, 3, 4; 6, 6, 7].

“Плошка” из Отрадного II 15/8 (рис. 2, 2), как отметил В.В. Потапов, находит аналогии в кобяковской и хвалынской культурах [Потапов 2000, с. 64]. В частности, ей близки некоторые сосуды с поселений финальной бронзы бассейна Хопра [Хреков 2003, рис. 6, 2, 3].

Кувшиновидному сосуду из Шахаевского II 2/11 (рис. 2, 3) близки некоторые сосуды кобяковской [Шарафутдинова 1980, табл. XXII, 6] и кизил-кобинской [Кравченко 2011, рис. 35, 1] культур.

Кувшиновидный сосуд из Большого Ипатьевского кургана, п. 10 (рис. 2, 4) находит аналогии в кобяковской культуре [Шарафутдинова 1980, табл. XXII, 5].

Аналогии высокогорлому сосуду из Греков II 2/74 (рис. 2, 5) нам неизвестны.

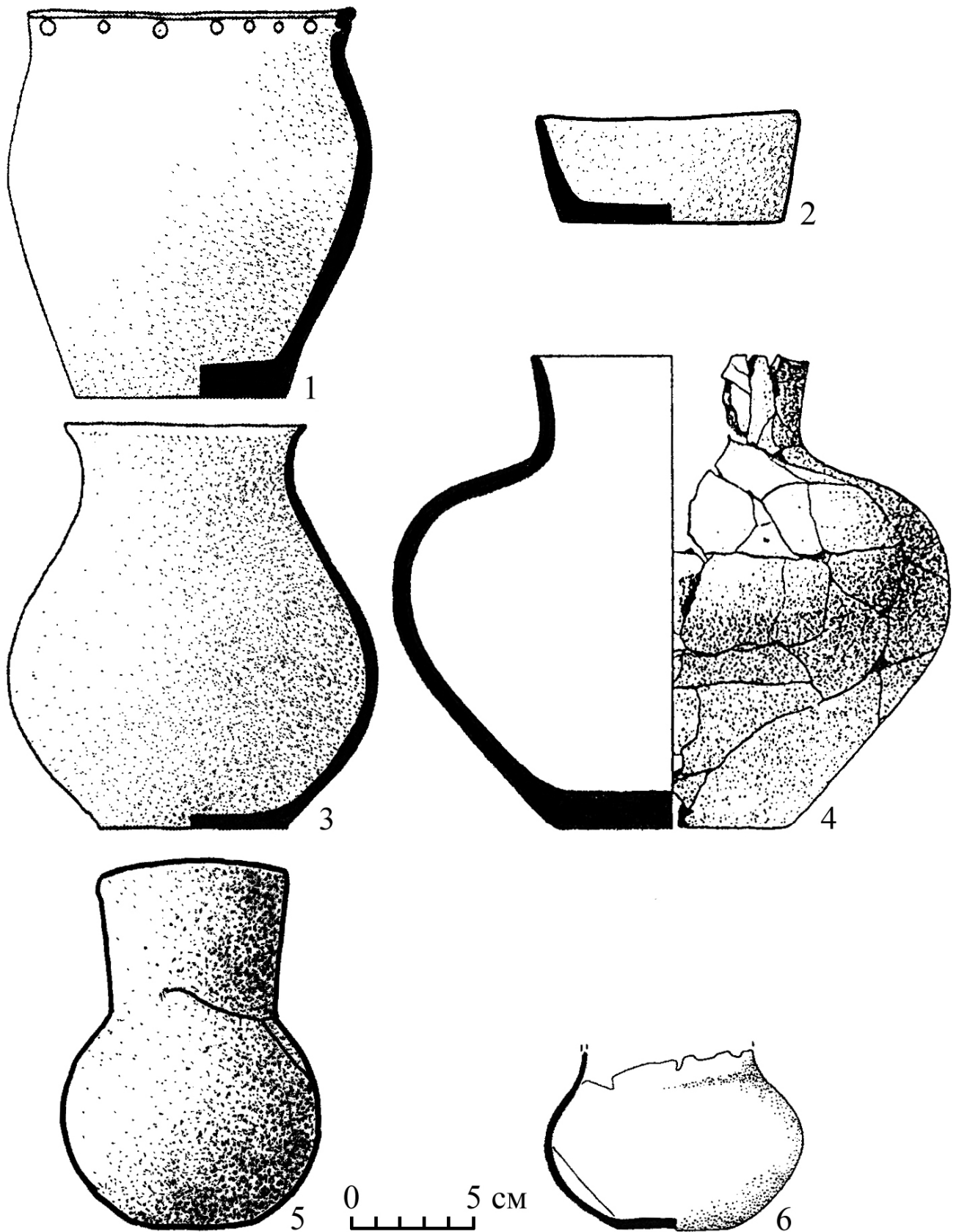

Рис. 2. Сосуды из погребений массива II: 1 – Высочино V 29/9; 2 – Отрадный II 15/8; 3 – Шахаевский II 2/11; 4 – Большой Ипатовский курган п. 10; 5 – Греки I 2/74; 6 – Отрадный II 7/6

Fig. 2. Vessels from the burials of array II

Кубковидный сосуд из Отрадного II 7/6 (рис. 2, б) может быть сопоставлен с изделиями белозерской и кобяковской культур [Потапов 2000, с. 64], а также кубками кизил-кобинской культуры [Кравченко 2011, рис. 42, 1].

Рассмотрение керамики из массивов I и II позволяет сделать некоторые выводы:

1. Сосуды обоих массивов находят аналогии в различных культурах данного времени, но более всего – в кобяковской. Вероятно, кобяковская культура являлась основным “донором”, от которого население, оставившее погребения массивов I и II, заимствовало типы погребальной керамики;

2. В обоих массивах среди форм погребальной керамики численно доминировали кувшиновидные сосуды;

3. Принципиальное различие между погребениями данных массивов заключается в том, что в массиве I высок удельный вес сосудов с орнаментом, причем орнамент относительно сложен, тогда как в массиве II орнаментирован лишь 1 сосуд и его орнамент предельно прост. Что стоит за данным моментом, пока не ясно. Возможно, здесь отразились различия в мировосприятии между носителями двух погребальных традиций.

Выделяя в “отраденской культуре” массивы I и II, мы использовали в качестве отправной точки различия в ориентировке захоронений. Но, справедливости ради, стоит отметить, что существует серия археологических культур, типов, групп, погребения которых не демонстрируют наличия доминирующей ориентировки покойников. Таковы, например, среднеднепровская культура [Артеменко 1985, с. 371], поздняя ямная культура Северо-Западного Причерноморья [Яровой 1985, с. 58, 60], катакомбные культуры [Мельник 2003, с. 102], архонская культурная группа [Кореневский, Мимоход 2011, с. 40], южноуральская абашевская культура [Кузьмина 1992, табл. 3, 1], культура многоваликовой керамики Прутско-Днестровского междуречья раннего этапа [Савва 1992, с. 145], культурная группа Вольск-Лбище [Васильев 2003, с. 108], памятники потаповского типа [Кузнецов, Семенова 2000, с. 124], синташтинская культура [Генинг 1977, с. 59, 61], саргаринско-алексеевская культура [Зданович 1988, с. 151].

Многовариантность ориентировок захоронений в пределах культуры¹⁶ может быть обусловлена следующими факторами:

1. Ориентировка захоронений менялась по мере развития культуры. В качестве примеров можно привести следующие. Раннеямные захоронения демонстрируют преобладание восточной ориентировки, а поздние – западной [Трифонов 1991, с. 121]. То же имеет место в случае с новотиторовской культурой [Трифонов 1991, с. 131, 133; Гей 2000, с. 104-105]. Погребения днепро-донской бабинской культуры¹⁷ на раннем этапе демонстрируют преобладание западной и восточной ориентировок, на среднем – западной, а на позднем – восточной [Литвиненко 2009, с. 12-13]. Применительно к покровской культуре можно заметить, что на раннем этапе доминировала ориентировка на север, а на позднем – на северо-восток [Лапшин 2006, с. 9, 14]. В доно-волжской абашевской культуре ранним захоронениям присуща юго-восточная ориентировка, а поздним – северная [Пряхин, Беседин 2001, с. 17-19]. Андроновские погребения Восточного Казахстана демонстрируют преобладание на раннем этапе восточной ориентировки. Но постепенно на смену ей пришла западная, северо-западная и юго-западная [Ткачева 2009, с. 214];

¹⁶ Правда, эта многовариантность может быть иллюзией – порожденной тем, что в состав погребальных комплексов данной культуры включены захоронения других культур. Подобных примеров немало. Ограничимся лишь одним. Долгое время считалось, что раннесрубным захоронениям бассейна Северского Донца, наряду с северо-восточной и северной ориентировками, присуща также западная [Чередниченко 1973, с. 12]. В конце концов, однако, выяснилось, что погребения с западной ориентировкой относятся на самом деле не к срубной культуре, а к культуре многоваликовой керамики [Писларий 1983, с. 7-9].

¹⁷ Или, по традиционной терминологии – культуры многоваликовой керамики.

2. Ориентировка погребений имела локальные особенности в пределах ареала культуры. Например, для алакульской культуры наиболее характерна ориентировка погребенных на запад, но некоторые локальные варианты демонстрируют преобладание иных ориентировок, что частично может объясняться как результат влияния соседнего инокультурного населения [Кузьмина 2008а, с. 115]. Локальные различия доминирующей ориентировки наблюдаются и в пределах территории распространения памятников срубной культуры. Так, на территории Волго-Уралья преобладала ориентировка погребенных головой на север с отклонением к востоку на западе данного региона и к западу – на востоке [Рутто 2003, с. 54]. А в бассейне Северского Донца доминировала ориентировка на восток с отклонениями к северу и югу [Литвиненко 1994, с. 10].

3. Ориентировка захоронений порой зависела от их планиграфической позиции в кургане. Например, неустойчивость ориентировки впускных ямных погребений Северо-Западного Причерноморья обуславливалась тем, что они нередко размещались в кургане по кругу (спиной или лицом к центру) [Дворянинов и др. 1981, с. 25-36]. Для катакомбных культур в большинстве случаев было характерно укладывание умерших в погребальную камеру таким образом, чтобы голова оказывалась слева от входа. Соответственно, ориентировка умерших относительно сторон света зависела от расположения катакомбы в кургане [Братченко, Шапошникова 1985, с. 409; Мельник 2003, с. 102]. Влияние кругового расположения погребений в кургане на их ориентировку демонстрируют также памятники упоминавшейся выше архонской группы [Корневский, Мимоход 2011, с. 40], потаповского типа [Васильев и др. 1992, с. 52] и, изредка, срубной культуры [Мерперт 1958, с. 93; Семенова 2000, с. 172];

4. Отклонения от “среднестатистической” ориентировки могли быть вызваны тем, что отдельные захоронения ориентировались на “престижные” могилы. Это имело место, например, в срубной культуре [Лопатин 2010, с. 110];

5. Изредка на ориентировку влиял пол умерших. Так, на раннем этапе днепро-донской бабинской культуры женщин клали в могилы головой на восток, а мужчин – на запад [Отрощенко 1992, с. 163-165; Литвиненко 2009, с. 12]. Приведем и примеры из области этнографии. У бирюсов (одна из групп хакасов) мужские захоронения были ориентированы головой на восток, а женские – на север [Усманова 1980, с. 108]. Барабинские татары хоронили мужчин головой на запад, женщин – на восток, а детей – на юг или юго-запад [Томилов 1980, с. 121].

В случае с “отраденской культурой” ни один из этих факторов, похоже, не “работал”:

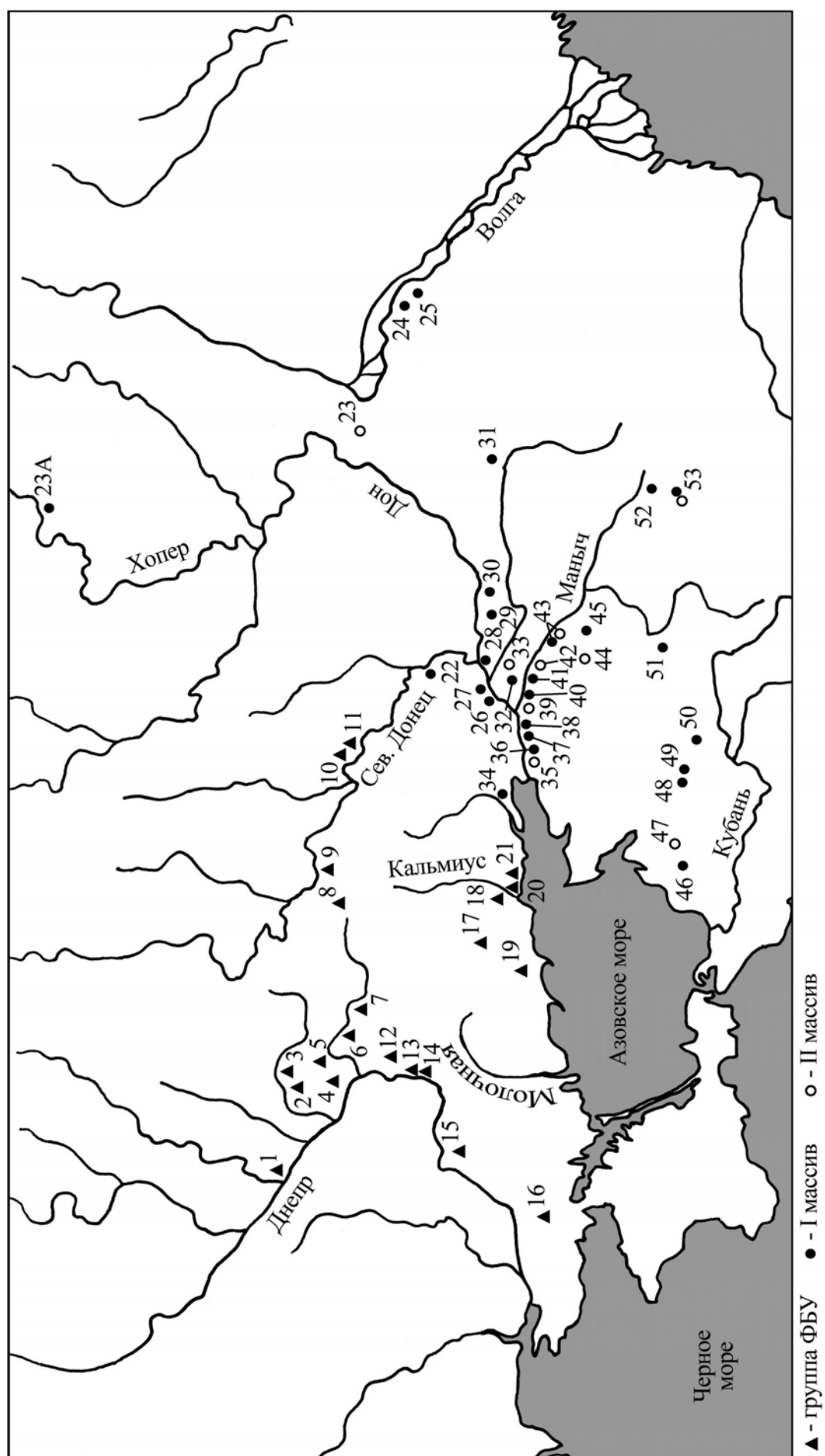
Фактор 1 “отпадает” поскольку нет никаких оснований говорить о хронологической разновременности I и II массивов;

Фактор 2 также едва ли мог обусловить различия в ориентировке, ибо, во-первых, он проявляется лишь в культурных образованиях, занимавших территорию куда более обширную, чем “отраденская культура”, а, во-вторых, ареалы захоронений I и II массивов частично взаимонакладываются (рис. 3);

Действие фактора 3 в “отраденской культуре” вряд ли имело место, что видно из отсутствия жесткой корреляции между ориентировкой захоронений и их позицией в кургане. Так, погребения I массива, при том, что обычно они тяготеют к южной половине курганной насыпи, в, по крайней мере, 6 случаях были обнаружены в северной части кургана. Захоронения II массива в своей основной массе приурочены к северной половине насыпей, но 1 комплекс выявлен в южной части кургана;

Что касается фактора 4, то он может “срабатывать” лишь тогда, когда курган содержит 2 и более захоронений данной культуры. Ситуация же с “отраденской культурой” принципиально иная. Здесь в подавляющем большинстве курганов было лишь по 1 “отраденскому” погребению;

Обусловленность ориентировки умерших в погребениях “отраденской культуры” их полом (фактор 5) также маловероятна. Хотя в массиве I среди погребенных преобладают лица

← **Рис. 3.** Карта распространения погребений I и II массивов и комплексов группы ФБУ: 1 – Волошино IV; 2 – Чернетчина; 3 – Осиповка; 4 – Верхняя Маевка XVIII; 5 – Николаевка I; 6 – Песчанка; 7 – Троицкое I; 8 – Мариенфельд; 9 – Рай-Стародубовка; 10 – Пионерское; 11 – Ново-Кондрашевская; 12 – Новоукраинка; 13 – Кичкас II; 14 – Днепрострой (Кичкас) А; 15 – Первомаевка; 16 – Новокаменка; 17 – Розовка; 18 – Кременевка; 19 – Камышеватая XVI; 20 – Зинцева Балка; 21 – Безыменное II; 22 – Октябрьский I; 23 – Новый Рогачик; 23А – Тростянка; 24 – Кривая Лука V; 25 – Барановка; 26 – Бессергеновский; 27 – Донской; 28 – Салок I; 29 – Холодный IV; 30 – Центральный IV; 31 – Черный II; 32 – Балабинский I; 33 – Шахаевский II; 34 – Русский Колодец XVI; 35 – Высочино V; 36 – Койсуг; 37 – Мартышкина Балка; 38 – Арпачин II; 39 – Отрадный II; 40 – Крепинский I; 41 – Колдыри; 42 – Прогресс I; 43 – Северный II; 44 – Целинский III; 45 – Южный; 46 – Лебеди I; 47 – Греки I; 48 – Батурицкий; 49 – Анапский; 50 – Пролетарский; 51 – Красногвардейское; 52 – Золотаревка I; 53 – Большой Ипатовский курган

← **Fig. 3.** Map of distribution of burials of I and II arrays and complexes of FBU group (Final Bronze of Ukraine)

мужского пола, в нем присутствуют и женщины. Соответственно, в массиве II, демонстрирующем численное доминирование женщин, имеется и мужское захоронение.

В итоге следует констатировать, что различия в ориентировке между массивами I и II нужно объяснять какой-то иной причиной. Выше мы уже отметили, что, помимо ориентировки, массивы различаются и по другим признакам, причем, признаки эти существенны настолько, что вообще неясно, как I и II массивы можно объединять в одну археологическую культуру. Самый сильный довод в пользу необходимости такого объединения – “единство территории”, о чем пишет В.В. Потапов [2010а, с. 17]. На наш взгляд, словосочетание “единство территории” применительно к I и II массивам можно употреблять лишь со значительной натяжкой, что видно из следующего:

а) “единство территории” имеет место только на относительно узком участке вдоль левого берега Дона в низовьях этой реки и в низовьях Маныча. Там, действительно, погребения I и II массивов размещаются чересполосно, причем комплексы II массива относительно многочисленны. На правом берегу Дона и на Волге в пределах Астраханской области последние, судя по нашим данным, не выявлены, хотя погребения I массива здесь известны. В курганах Краснодарского края и Ставрополя захоронения II массива являются лишь единичными вкраплениями в ареале комплексов I массива (рис. 3);

б) комплексы I и II массивов практически никогда не встречаются в одном кургане или грунтовом могильнике. Единственное исключение – Большой Ипатовский курган, где обнаружены 8 погребений I массива и 1 – II массива. Если же в одном кургане или грунтовом могильнике рассматриваемой территории оказывались более 1 погребения белозерского времени, эти погребения, как правило, относились к одному массиву. Так, в кургане 2 могильника Прогресс I присутствовали 2 комплекса II массива, в кургане 1 могильника Красногвардейское – 2 комплекса I массива, в грунтовом могильнике Салок I – 2 погребения I массива. Отсюда правомерен вывод, что лица, погребенные, с одной стороны, в могилах I массива, и, с другой стороны, в могилах II массива, принадлежали к разным общинам, различавшимся, помимо прочего, особенностями верований. Именно последнее обусловило существование перечисленных выше различий между массивами.

Исходя из всего отмеченного, более правомерно, на наш взгляд, рассматривать I и II массивы как две разные археологические культуры. При этом название “отраденская культура” можно использовать для обозначения массива II, поскольку захоронения из Отрадного демонстрируют признаки именно этого массива¹⁸. Правда, сразу же возникают следующие вопросы:

¹⁸ Ниже, употребляя термин “отраденская культура” без кавычек, мы будем понимать под захоронениями этой культуры лишь комплексы II массива.

1. К какой культуре следует относить I массив?

2. Каково происхождение отраденской культуры, южная (с отклонениями) ориентировка которой не имеет корней в памятниках предшествующего периода данной территории?

3. Как могло случиться, что ареалы I и II массивов, относящихся, по нашему мнению, к разным культурам, частично взаимонакладываются?

Прежде, чем высказать свое мнение по **вопросу 1**, имеет смысл остановиться на рассмотрении погребений финальной бронзы, не относящихся к белозерской культуре, которые выявлены на территории Левобережной Украины¹⁹. Выделение данных погребений сталкивается, пожалуй, с еще большими трудностями, чем распознавание захоронений финальной бронзы на Нижнем Дону и в Предкавказье. Трудности проистекают из двух моментов:

а) захоронения этого времени встречаются на Левобережной Украине значительно реже, чем на Нижнем Дону и в Предкавказье, а кроме того зачастую не содержат датирующего инвентаря;

б) относительно культурной атрибуции части интересующих нас комплексов уже высказаны предположения об их принадлежности либо к белозерской, либо к черnogоровской культурам. Данные предположения неоднократно тиражировались в литературе, с ними “свыклись”, а потому оспаривать их крайне трудно.

Тем не менее, мы считаем возможным выделить на территории Левобережной Украины группу погребений ФБУ (см. Прил. 2). Группа эта невелика по объему, но ареал распространения включенных в нее погребений довольно обширен (рис. 3). Отметим, что при составлении нашей сводки мы опирались на разработки В.А. Ромашко [1999]. Как и этот исследователь, мы полагаем, что главным критерием, позволяющим отнести то или иное захоронение к финалу бронзового века, является присутствие в нем датирующего предмета. Поскольку в ряде случаев датирующими являются сосуды, находящие аналогии в белозерской культуре, важен и следующий критерий. Если погребение содержало такой сосуд, оно не должно иметь ориентировку, присущую белозерской культуре, т.е. южную, юго-юго-западную или юго-юго-восточную.

Скажем теперь об интересующих нас комплексах более детально.

В погребении из Верхней Маевки XVIII 4/3, Днепропетровская обл. выявлен сосуд, находящий аналогии в могильниках белозерской культуры, что предопределило появление гипотезы о принадлежности комплекса к этой культуре [Отрощенко, Шевченко 1987, с. 133]. На наш взгляд, учитывая ориентировку умершего на восток-юго-восток, более вероятным является предположение В.А. Ромашко, согласно которому захоронение является срубным белозерского времени [Ромашко 1999, с. 124-125²⁰].

Комплексы из Кичкаса А, п. 35 и Кичкаса II, 9/д, Запорожская обл. также содержали сосуды, свидетельствующие в пользу датировки данных захоронений белозерским временем [Шарафутдинова 1982, с. 75, 77]. Восточная ориентировка погребенных не позволяет относить захоронения к белозерской культуре.

В комплексе из Осиповки п. 32 Днепропетровской обл. была выявлена фрагментированная корчага, аналогии которой можно найти в белозерской, бондарихинской и кобяковской культурах [Беляев 1981, с. 70; Ромашко 1999, с. 127]. Юго-восточная ориентировка умершего делает сомнительной белозерскую атрибуцию комплекса. Столь же маловероятным является отнесение захоронения к чернолесской культуре, как это допускал А.С. Беляев [1981, с. 70] и одно время – В.А. Ромашко [1995б, с. 54], поскольку данной

¹⁹ Далее, чтобы избежать употребления громоздких грамматических конструкций, мы будем использовать для обозначения данных погребений сокращение “ФБУ” (“финальная бронза Украины”).

²⁰ В данной работе погребение ошибочно фигурирует под номером 9.

культуре присуща, в основном, кремация умерших, а не ингумация. По этой же причине является сомнительной и бондарихинская принадлежность захоронения.

Типологические характеристики сосудов из погребений позволяют датировать белозерским временем также комплексы из Кременевки 2/10 Донецкой обл. [Гаврилюк, Гершкович 1982, с. 69-70; Отрошенко, Шевченко 1987, с. 140; Ромашко 1999, с. 123] и Зинцевой Балки 1/7 Донецкой обл. [Усачук и др. 2006, с. 11-12; Усачук та ін. 2007, с. 393-394]. Относительно сосуда из последнего комплекса (рис. 5, 3, 3А) отметим, что орнамент на нем выполнен зубчатым штампом, причем негатив данного штампа не находит аналогий на срубной керамике Северо-Восточного Приазовья I-III горизонтов периодизации Р.А. Литвиненко [1999]. Вместе с тем, орнамент, нанесенный таким штампом, встречается на сосудах белозерского времени [см., напр.: Шарафутдинова 1982, рис. 27, 5, 10; Гершкович 1998, рис. 8, 3; Горбов 2001, рис. 15, 16, 20].

Особо стоит сказать о погребении из Первомаевки 5/1 Херсонской обл. В двух курганах данной группы были выявлены типичные погребения белозерской культуры. Но интересующее нас захоронение отличалось от них ориентировкой костяка на юго-восток. Кроме того, в могиле был выявлен небольшой сосуд с расчлененным валиком. Подобная керамика в белозерских захоронениях Левобережной Украины нам не известна. Валик на сосуде размещается относительно низко – на переходе от венчика к тулову [Ллінська та ін. 1960, рис. II, 5], что не характерно для керамики срубной культуры сабашиновского времени и керамики сабашиновской культуры (здесь валики тяготеют к краю венчика). Вместе с тем, отмеченный признак присущ посуде финала бронзового века [Потапов 2000, с. 66]. Он встречается, в частности, на сосудах срубной культуры белозерского времени [Кабанова 1996, с. 46; Берестнев 2001, рис. 93, 8], бондарихинской [Ромашко 1995б, рис. 9, 2; 10, 2], кобьяковской культуры [Шарафутдинова 1980, рис. V, 2; VII, 6 и др.], кизил-кобинской культуры дотаврского периода [Кравченко 2011, рис. 34, 5 та ін.]. Таким образом, судя по сосуду, захоронение из Первомаевки, 5/1 правомерно включить в группу ФБУ.

Белозерским временем, на наш взгляд, датируется захоронение из Мариенфельда 1/1 Донецкой обл.²¹. Оно являлось впускным в центральную часть кургана, возведенного носителями днепро-донской бабинской культуры. Комплекс сильно разрушили кротовины, а потому восстановить позу погребенного затруднительно. Умерший (35-45 лет, пол не определяется)²² был помещен в могилу скорченно на правом боку с завалом на спину или вытянуто (?) на спине. Более уверенно можно судить об ориентировке погребенного – его положили головой на восток-юго-восток. Левая рука была согнута в локте под углом, близким к прямому и направлена кистью к животу. Правая рука, вероятно, была вытянута вдоль тела.

Инвентарь погребения включал сосуд, фрагменты которого выявлены в кротовинах близ останков костяка²³. По найденным фрагментам удалось графически реконструировать часть сосуда (рис. 4, 1). Тесто со значительным количеством довольно крупных фракций. Поверхность сосуда тщательно заглажена. Видимо, с внешней стороны сосуд до обжига затирали какой-то тряпкой. На внутренней стороне – горизонтальные следы аккуратного разглаживания пальцами (под ними – следы тонкого деревянного (?) орудия). Наличие крупных примесей в тесте дало эффект неровных поверхностей, особенно – внутренней. Эти же примеси привели к растрескиванию при обжиге: на поверхностях сосуда много мелких трещин. Цвет: серо-желтый с розоватыми пятнами. Внутренняя поверхность сосуда серая. В изломе стенок фиксируется серый слой, который к внешней стенке меняется на тонкий

²¹ Раскопки В.В. Цимиданова 2012 г. Материалы хранятся в фондах Донецкого областного краеведческого музея.

²² Определение А.А. Казарницкого, сотрудника отдела антропологии МАЭ РАН (СПб.).

²³ Один из фрагментов выявлен в кротовине, проходящей через бабинское п. 2 этого кургана – не менее, чем в 4,5 м от основной группы скопления фрагментов сосуда п. 1.

розовый. Граница между цветовыми слоями четкая. Обжиг велся в окислительной среде; действие температур каления непродолжительное [ср. Моргунова и др. 2010, с. 127, 136, 138]. Орнамент выполнен в технике процерчивания. Композиция полностью не реконструируется. Можно установить лишь следующее. На переходе от горлышка к тулову располагается серия линий, близких к горизонтальным (не менее 6). Ниже размещаются две горизонтальные “лестнички”. Под ними находится фриз, основу которого составляет зигзагообразная линия. От нижних “углов” “зигзага” отходят вниз короткие наклонные отрезки. Орнамент, находящийся выше “зигзага”, является иррегулярным. Он включает различные фигуры, скомбинированные из отрезков. Ниже “зигзага” расположены фигуры из вписанных один в другой углов. Данные фигуры демонстрируют некоторое разнообразие, но, в целом, более близки между собой, чем фигуры, которые можно видеть выше “зигзага”. Стоит отметить то, что в процессе выполнения данного фриза сначала был нанесен “зигзаг”, а потом процерчены остальные знаки (рис. 4, 1).

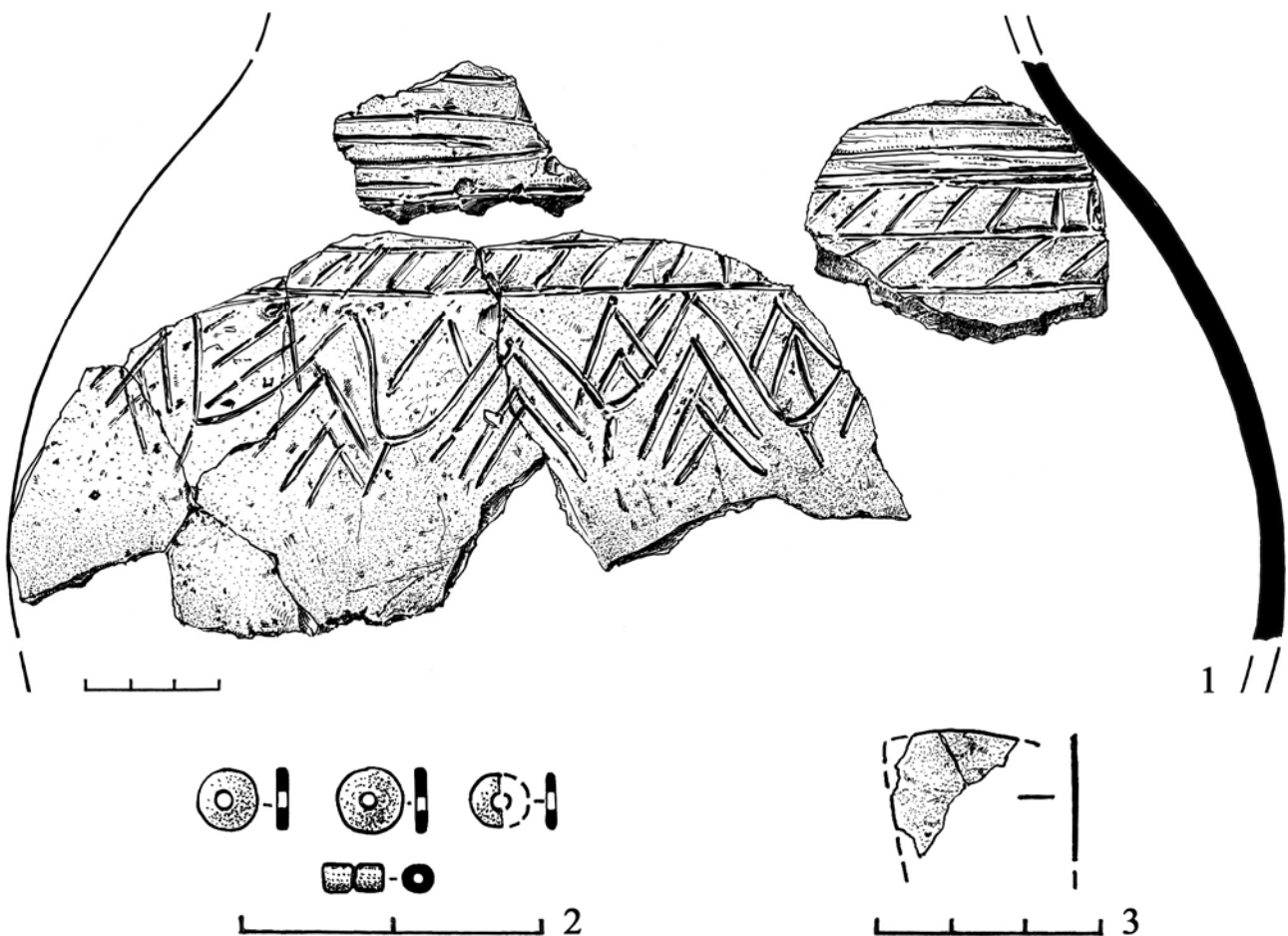

Рис. 4. Мариенфельд 1/1 (раскопки 2012 г.): 1 – сосуд; 2 – пастовые бусы; 3 – бронзовая пластинка

Fig. 4. Marienfeld 1/1 (excavations of 2012)

Другой инвентарь погребения был представлен несколькими пастовыми бусами (рис. 4, 2) и очень тонкой бронзовой пластинкой (рис. 4, 3), которая входила, скорее всего, в одно украшение с бусами, поскольку найдена вместе с ними. Сосуд из рассматриваемого захоронения по размерам (диаметр тулова около 28 см) и профилировке очень близок корчагам бондарихинской и чернолесской культур [см., например: Ромашко 1995, рис. 7, 3, 4; 9, 1, 3; 10, 3]. Правда, на керамике данных культур нам не известны более или менее близкие аналогии орнаменту мариенфельдского сосуда. Вместе с тем, орнаментальные композиции в виде расположенного на переходе от горлышка к тулову горизонтального

пояса, под которым размещен зигзаг или треугольники (что мы видим на мариенфельдской корчаге), как отмечалось выше, встречаются на керамике различных культур финала бронзового века. Напомним, что подобная композиция выполнена на сосуде из Анапского I 2/3 (I массив) (рис. 1, 4). Такой компонент орнамента сосуда из Мариенфельда, 1/1, как серия параллельных горизонтальных линий, находит аналогии в бодарихинской культуре [Рогудеев 2009, рис. 15, 4]. На керамике этой культуры присутствует и другой компонент мариенфельдского орнамента – “лестнички” [Горбов, Усачук 2001, рис. 12, 7, 19; Корохина 2005, рис. 1, 3-6, 20; Буйнов, Корохина 2006, рис. 4, 1,2,7; Рогудеев 2009, рис. 16, 8; Трубников 2009, рис. 5, 2, 13]. “Лестнички” встречаются и на сосудах кобяковской культуры [Шарафутдинова 1980, табл. XXII, 1, 7], а также – сосудах из погребений I массива (рис. 1, 6). Все отмеченное позволяет датировать захоронение из Мариенфельда 1/1 белозерским временем. Обратим внимание и на следующий нюанс. В захоронении присутствовали пастовые бусы. Эти изделия в постбелозерское время не бытовали [Островерхов 2001-2002, с. 422]. Данный тезис стоит пояснить. В монографическом исследовании С.В. Махортыха, посвященном изучению культуры “киммерийцев”, фигурируют два комплекса с пастовыми бусами – погребения из Соколово II 2/1 Днепропетровской обл. [Махортых 2005, с. 70, 359] и Суворово 4/1 Одесской обл. (здесь была также гешировая бусина) [Махортых 2005, с. 106, 361-362]. Отнесение первого погребения к предскифскому периоду представляется нам сомнительным. Скорее всего, оно датируется белозерским временем [Подобед, Цимиданов 2010, с. 111]. Второе погребение, как давно уже отметил В.В. Отрощенко, относится к белозерской культуре [Отрощенко 1989, с. 111]. Единственный известный нам предскифский комплекс, где найдены пастовые бусы – погребение из Новопалестинского II, 5/7 Ростовской обл. [Калмыков, Потапов 2004, с. 107-108]. Как показал В.В. Потапов, это – один из наиболее архаичных черноморских комплексов, который, по сути, относится к рубежу финальной бронзы и раннего железа [Потапов 2007, с. 272]. Таким образом, присутствие в мариенфельдском захоронении пастовых бусин является весомым аргументом в пользу датировки комплекса финалом бронзового века. Добавим, что и ориентировка умершего на восток-юго-восток подтверждает эту дату.

Наличие в составе погребального инвентаря пастовых бус и особенности обряда (скорченное труположение на левом боку и ориентировка на восток-северо-восток) побудили нас отнести к группе ФБУ погребение из Кузьменок I 2/3 Полтавской обл. [Супруненко 2012, с. 376].

Ряд учтенных погребений – комплексы из Николаевки I 3/4, Песчанок 1/5 и Троицкого I 13/5 Днепропетровской обл. С.В. Махортых отнес к “киммерийским” [Махортых 2005, с. 346, 350-351, 361-364]. В связи с этим отметим следующее. Костяные пряслица типа, представленного в данных погребениях, ни разу не выявлены в комплексах, которые по другим типам инвентаря можно было бы бесспорно датировать предскифским периодом. Вместе с тем, в погребениях белозерского времени данные изделия довольно хорошо представлены [Потапов 2005, с. 144]. Кроме того, в захоронении из Песчанок 1/5 находились височные подвески типа, специфичного для финала бронзового века, но – не для предскифской эпохи [Потапов 2010б]. Нелишне, однако, сделать уточнение. Далеко не каждое захоронение с костяным пряслицем следует датировать белозерским временем. Подобные изделия известны и в погребениях более ранних культур, в частности, срубной раннего и сабашиновского времени [см., например: Черненко, Симоненко 1977, с. 24; Памятники... 1993, № 17, 220; Колотухин 2003, с. 25]. В силу отмеченного мы не согласны с В.А. Ромашко, датировавшим белозерским временем захоронение из Николаевки I 1/18 Днепропетровской обл. [1999, с. 125]. Сосуд из данного захоронения был орнаментирован расположенным под венчиком налепным валиком [Ковалева и др. 1979, с. 27], что типично для сабашиновского времени. Кроме того, из первой публикации захоронения следует, что оно стратиграфически связано с пп. 7 и 10 – классическими срубными [Ковалева и др. 1979, с. 26-27]. В итоге мы полагаем, что наиболее надежно датировать белозерским временем

можно те погребения с костяными пряслицами, которые отвечают хотя бы одному из следующих критериев:

1. В погребении отсутствует сосуд;
2. В погребении присутствует изделие типа, бытовавшего в белозерское время (в т.ч. сосуд).

Руководствуясь первым из критериев правомерно отнести к белозерскому времени захоронение из Рай-Стародубовки Донецкой обл. (такая датировка комплекса уже давно была предложена В.А. Ромашко [1999, с. 126]), а также захоронение из Волошино IV 7/2 Полтавской обл., на что указывает и автор публикации [Супруненко 2007, с. 104].

Погребение из Ново-Кондрашевской Луганской обл.²⁴ было выявлено в срубном жилище, но присутствовавшие в комплексе “серьги” были изготовлены из золотой проволоки. В срубной культуре раннего и сабатиновского времени, насколько нам известно, нет цельнозолотых изделий – лишь предметы из бронзы, плакированные золотой фольгой [Вангородська 1987, с. 7]. Учитывая, что в эпоху поздней бронзы цельнозолотые предметы получают некоторое распространение лишь в белозерское время, мы и датировали им рассматриваемый комплекс.

Погребение из Пионерского 2/1 Луганской обл. авторы публикации отнесли к “черногоровскому этапу” [Гаврилюк, Красильников 2006, с. 417]. В то же время они констатировали, что височные подвески из комплекса имеют точные аналогии в погребении из Холодного 2/4 Ростовской обл. [Гаврилюк, Красильников 2006, с. 417], а последний комплекс, согласно В.В. Потапову, относится к финальной бронзе [Потапов 2005, с. 138]. Соответственно, и погребение из Пионерского правомерно датировать белозерским временем.

Ряд погребений группы ФБУ могут быть выделены по данным стратиграфии. В частности погребение с поселения Безыменное-II, помещение 20-а (п. 2), Донецкая обл. выявлено в котловане постройки белозерского времени и, очевидно, является жертвой оставления жилища [Горбов, Мимоход 1999, с. 28].

Захоронение из Безыменного-II, южное святилище (п. 3) также обнаружено в постройке белозерского времени [Горбов, Мимоход 1999, с. 35, 38]. Данную дату комплекса признают не только авторы публикации, но и другие исследователи [Ромашко 1999, с. 122; Отрошенко 2001, с. 186; Потапов 2005, с. 48].

Погребение из Безыменного-II, р. III (п. 1) [раскопки В.Н. Горбова, А.Н. Усачука 1989 г.] (рис. 5, 5), как удалось установить В.Н. Горбову, было впущено в слой V горизонта поселения. Этот горизонт датируется белозерским временем. Погребение содержало сосуд горшковидной формы с прочерченным орнаментом, представляющим собой фриз заштрихованных фигур, близких к ромбам. В одном месте фриз разрывает наклонная “лестничка” (рис. 5, 4). Последний компонент орнамента служит подтверждением белозерской даты комплекса.

Погребение из Камышеватой XVI Донецкой обл., согласно наблюдениям В.Н. Горбова, было впущено в слой срубной культуры, датируемый XIII в. до н.э. [Горбов, Руденко 2004, с. 28], а отсюда его отнесение белозерскому времени вполне правомерно.

При выделении нескольких комплексов ФБУ мы исходили из того, что для ряда захоронений этой группы, упомянутых выше, характерно отсутствие сосудов в составе погребального инвентаря. Учитывая данный факт, мы отнесли к памятникам ФБУ некоторые не очень выразительные захоронения. При этом были использованы и такие критерии:

1. Погребение должно быть, судя по данным стратиграфии, более поздним, чем комплекс срубной культуры, не производящий впечатления раннего;
2. Оно не должно иметь южную (или – южную с незначительными отклонениями) ориентировку;

²⁴ У О.Г. Вангородской пункт ошибочно назван “Ново-Кардашевська”, т.е., в переводе на русский язык – “Ново-Кардашевская”.

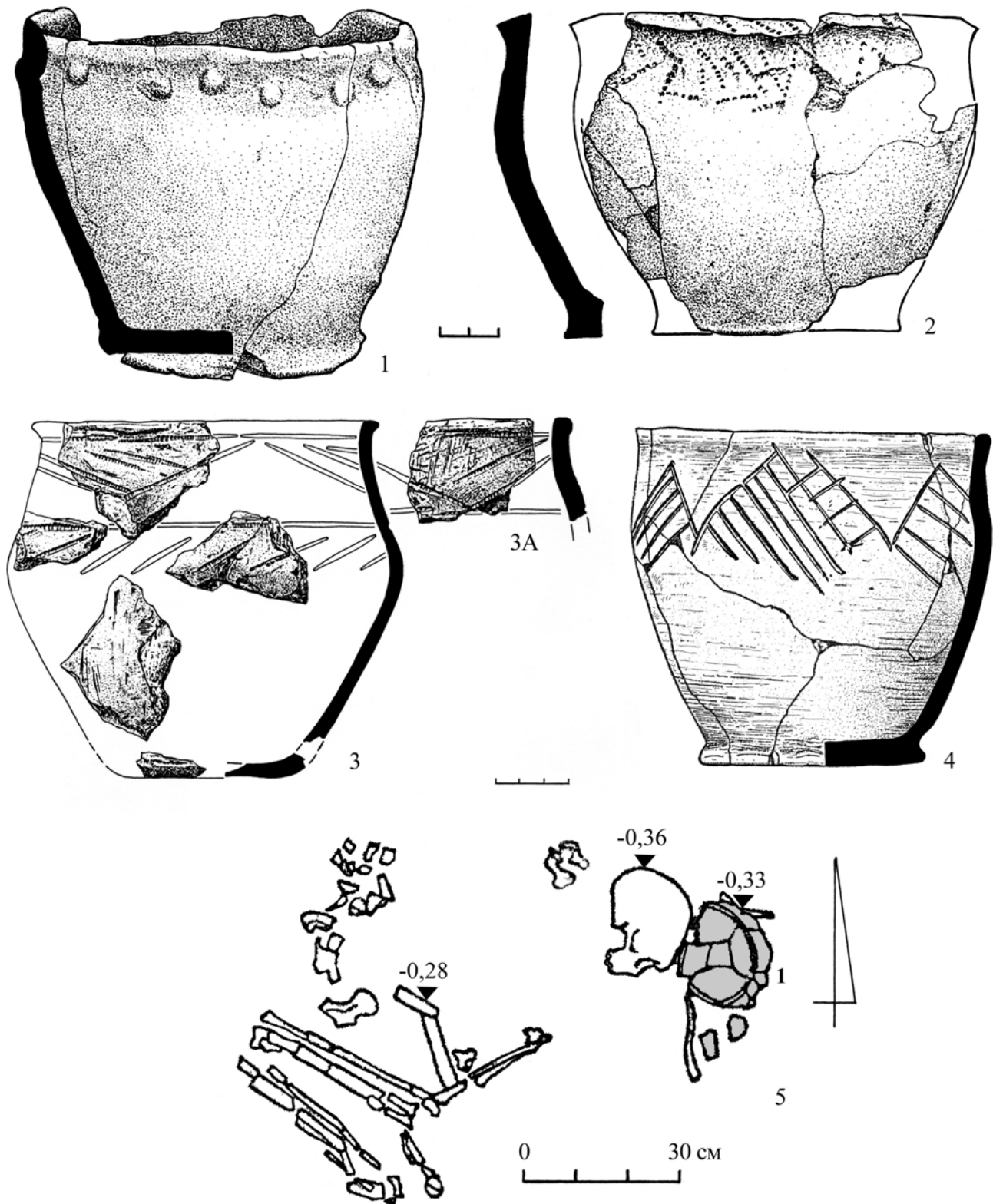

Рис. 5. Материалы комплексов группы ФБУ: 1, 2 – Чернетчина III/1; 3, 3А – Зинцева Балка 1/7; 4, 5 – Безыменное-II р. III, п. 1

Fig. 5. Materials of complexes of FBU group (Final Bronze of Ukraine)

3. Руки умершего не должны лежать в “позе адорации”, ибо в таком случае велика вероятность того, что мы столкнулись со срубным захоронением добелозерского времени;

4. Поза погребенного не должна соответствовать черногоровской “классике”, т.е. руки не должны занимать позицию: одна вытянута вдоль тела, а другая согнута и направлена кистью к локтю первой. Конечно, данное положение рук встречается и в комплексах ФБУ, но, чтобы увеличить вероятность датировки захоронения именно белозерским временем, мы решили абстрагироваться от погребений с “черногоровским” положением рук.

Отталкиваясь от перечисленных критериев, мы включили в сводку комплексов ФБУ следующие безинвентарные захоронения.

Новоукраинка 3/1 Запорожской обл. [Попандопуло, Шмакова 1999, с. 164]. Захоронение было введено в курган срубной культуры. Левая рука погребенного была согнута под острым углом, а правая – под прямым (кисть протянута к локтю левой).

Розовка 1/6 Запорожской обл. [Самар 1991, с. 129-130]. Данное захоронение являлось впускным в досыпку, возведенную над “классическими” срубными погребениями. Руки умершего были уложены так: левая согнута под острым углом, а правая – под прямым, причем протянута кистью к локтю левой.

Розовка 1/8 Запорожской обл. [Самар 1991, с. 130]. Захоронение являлось впускным в упомянутую досыпку. Обе руки погребенного были согнуты в локтях под прямым углом.

Новокаменка 3/4 Херсонской обл. [Генинг, Кубышев 1990, с. 18]. Погребение являлось стратиграфически более поздним, чем срубный комплекс с валиковым сосудом. Левая рука умершего была согнута под острым углом, а правая протянута к коленям.

Зинцева Балка 4/3 Донецкой обл.²⁵. Судя по стратиграфическим наблюдениям, погребение являлось более поздним, чем п. 7 данного кургана, относящееся к финалу сабашиновского времени. К сожалению, костяк оказался частично разрушенным, и положение рук не восстанавливается. Вместе с тем, данный комплекс не демонстрирует признаков, присущих черногоровской культуре. Отсюда его датировка белозерским временем достаточно вероятна²⁶.

Не лишне сказать и об еще одном любопытном комплексе. В 1972 г. В.Ф. Клименко производил раскопки близ с. Чернетчина Днепропетровской обл. (бассейн р. Орель). В к. III, возведенном, вероятно, над захоронением ямной культуры и содержавшем серию впускных погребений, в т.ч. срубной культуры, в южной поле было обнаружено т.н. “погребение 1”. Оно представляло собой горшок с поясом “жемчужин” под венчиком (рис. 5, 1), внутри которого находился крупный фрагмент еще одного сосуда, орнаментированный оттисками зубчатого штампа (рис. 5, 2). Человеческие кости поблизости упомянутых артефактов не были выявлены, а потому автор отчета допустил, что столкнулся со срубным кенотафом [Клименко 1972]. Уместно напомнить, что орнаментация сосудов “жемчужинами” на юге Восточной Европы получает распространение именно в белозерское время [Горбов, Литвиненко 1998, с. 75; Берестнев 2001, с. 115; Стадник 2011, с. 267, 270]. Отсюда датировка этим временем “кенотафа” из Чернетчины достаточно вероятна. Не ясно, является ли упомянутый комплекс остатками погребения или следами каких-то внемогильных ритуалов²⁷, но он интересен тем, что расширяет наши сведения о керамических формах финала бронзового века, бытовавших в степной зоне Восточной Европы за пределами ареала белозерской культуры.

Стоит коснуться также захоронения из Лукьяновки Херсонской обл. Здесь выявлен инвентарь, находящий аналогии в белозерской культуре: маленький кубок, пастовые и янтарные бусы, бронзовые “ворворки” и фибула [Шарафутдинова 1982, с. 74]. Однако, поскольку костяк был ориентирован головой на восток, В.А. Ромашко счел возможным

²⁵ Раскопки А.Н. Усачука 2006 г. Материалы хранятся в фондах Мариупольского краеведческого музея.

²⁶ Добавим, что белозерским временем может датироваться и безинвентарное погребение 1 данного кургана, поскольку оно занимало ту же стратиграфическую позицию, что и погребение 3. Однако комплекс разрушен до такой степени, что положение костяка не восстанавливается, а потому мы решили не включать его в нашу сводку.

²⁷ По этой причине мы не включили его в Прил. 2.

отнести захоронение к позднеархаичным [Ромашко 1999, с. 123-124]. В.В. Отрощенко, выступающий за принадлежность лукавского захоронения к белозерской культуре, одновременно полагал, что фигурирующая в литературе информация о его восточной ориентировке является ошибочной [Отрощенко 1986, с. 129]. Позже исследователь стал на позицию, допускающую существование в белозерской культуре варианта погребального обряда, предполагавшего восточную ориентировку умерших [Отрощенко 2001, с. 186]. На наш взгляд, рассматривая культурную принадлежность данного комплекса, следует учитывать присутствие в нем фибулы. Если бы не она, вещи из могилы можно было бы трактовать как белозерский импорт или результат подражания изделиям белозерской культуры. Но ни в одном из погребений ФБУ до сих пор не выявлено фибул²⁸, столь многочисленных в белозерской культуре, ряде “западных” культур [Kaşuba 2009] и кобанской культуре [Козенкова 1982, с. 59]. Очевидно, у восточных соседей носителей белозерской культуры существовало своеобразное “табу” на использование фибул. Отсюда отнесение захоронения из Лукавщины к ФБУ представляется нам крайне сомнительным. Более правомерно рассматривать его в рамках белозерской культуры.

Итак, на Левобережной Украине можно выделить группу захоронений ФБУ. В.В. Потапов, реагируя на упоминавшуюся выше статью В.А. Ромашко [1999], заметил, что фигурирующие в ней захоронения в “культурном отношении” “не могут быть сопоставлены с погребальными комплексами ФПБ НД”. Исключение делалось лишь для погребения из южного святилища Безыменного-II [Потапов 2005, с. 148²⁹]. Можно ли согласиться с такой гипотезой?

Сравним захоронения ФБУ с погребениями I массива захоронений финальной бронзы Нижнего Подонья, Предкавказья и юга Нижнего Поволжья (далее – массив ФБ(I)). Всего нами учтено 25 погребений группы ФБУ. Из них 2 разрушены до такой степени, что поза и ориентировка погребенных не устанавливаются (Кременевка 2/10; Пионерское 2/1). В случае с погребением из Мариенфельда 1/1 ориентировка известна, но поза умершего не ясна, а применительно к захоронению из Зинцевой Балки 4/3, напротив, не вполне понятна ориентировка (север или северо-восток). Поэтому в нижеследующих подсчетах сведения о данных комплексах не используются. Пришлось абстрагироваться и от погребения из Ново-Кондрашевской, ибо в публикации, где оно фигурирует, нет данных о позах и ориентировках погребенных³⁰. Еще 6 комплексов по некоторым особенностям погребального обряда принципиально отличаются от комплексов массива ФБ(I):

1. Погребение из Волошино IV 7/2 (умерший был ориентирован головой на запад-северо-запад);
2. Погребение из Камышеватой XVI (умерший был ориентирован головой на север);
3. Погребение из Троицкого I (умерший был ориентирован на юг-юго-восток);
4. Погребение из Безыменного-II, помещение 20-а (п. 2) (покойник лежал вытянуто на спине);
5. Погребение из Безыменного-II, южное святилище (п. 3) (умерший был ориентирован головой на юг-юго-запад);
6. Погребение из Зинцевой Балки 1/7 (комплекс являлся кенотафом и демонстрировал значительные трудовые затраты). Впрочем, отмеченные характеристики захоронения обусловлены, скорее всего, высоким рангом покойника. Могильная яма была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад, что вполне соответствует ориентировке ряда погребений массива ФБ(I).

²⁸ То же касается рассмотренных выше погребений финала поздней бронзы Нижнего Подонья, Предкавказья и Нижнего Поволжья.

²⁹ В.В. Потапов указывает на сосуд из п. 3, но ошибочно ссылается на чертеж п. 2.

³⁰ Захоронение являлось парным.

Учитывая перечисленные особенности упомянутых шести захоронений, данные о них мы также не использовали в подсчетах. Оставшиеся 14 (т.е. – большинство) погребений группы ФБУ (ниже – “массив ФБУ(И)”) вполне сопоставимы с комплексами массива ФБ(И) по следующим признакам (см. табл. 5):

1. Умершие в обоих массивах были помещены в могилу скорченно на боку;
2. В обоих массивах преобладает сильная скорченность погребенных, но, вместе с тем, довольно высок удельный вес средней и слабой скорченности;
3. В обоих массивах преобладает положение умерших на левом боку;
4. В обоих массивах доминирует ориентировка погребенных в интервале 90° - 135° (64,3% в массиве ФБУ(И) и 68,6% в массиве ФБ(И));
5. В обоих массивах совпадает большинство вариаций положений рук;
6. В погребениях обоих массивов встречаются кости животных, причем удельный вес комплексов с ними довольно близок: 28,4% в массиве ФБУ(И) и 20,0% в массиве ФБ(И);
7. Совпадают многие категории погребального инвентаря. В частности, в погребениях обоих массивов выявлены сосуды, пряслица, шилья, оселки, височные подвески, пастовые бусы, кремни, кусочки серы. Инвентарь массива ФБ(И) более разнообразен, и некоторые категории вещей, присутствовавших в погребениях данного массива, в комплексах массива ФБУ(И) до сих пор не обнаружены (например, бронзовые нож, игла, костяные проколка, наконечник стрелы, каменный пест, астрагалы мелкого рогатого скота, раковины моллюсков). Но, вместе с тем, практически все категории инвентаря из массива ФБУ(И) находят соответствие в массиве ФБ(И);

8. Хотя типы керамики, выявленные в захоронениях массива ФБ(И), с одной стороны, и массива ФБУ(И), с другой, различаются, оба массива роднит то, что многие сосуды из погребений находят параллели не в керамике синхронных поселений данной территории, а среди сосудов иных культур. Как отмечалось выше, сосуды массива ФБ(И) близки керамике кобяковской, белозерской, бондарихинской и других культур. А некоторые сосуды массива ФБУ(И) находят параллели в белозерской, бондарихинской и чернолесской культурах.

Учитывая отмеченное сходство, мы не видим серьезных оснований рассматривать массивы ФБ(И) и ФБУ(И) как разные культурные явления. Очевидно, перед нами – одна археологическая культура.

Сравнение погребального обряда захоронений массива ФБ(И) и позднесрубных погребений Нижнего Подонья и Предкавказья (учтено 238) показывает несколько существенных сходжений между двумя массивами (см. табл. 5 и 6):

1. Большинство позднесрубных погребений (95,4%) демонстрирует ориентировку умерших в интервале 45° - 135° , которая присуща захоронениям массива ФБ(И);
2. В обоих массивах господствующим является положение умерших на левом боку;
3. В обоих массивах чаще всего встречается сильная скорченность погребенных;
4. В обоих массивах встречаются различные варианты положения рук погребенных, но при этом набор вариантов почти совпадает. Лишь положение рук, при котором они согнуты в локтях под углом, близким к прямому, и направлены кистями в противоположные стороны, в массиве ФБ(И) нам неизвестно. Впрочем, в массиве позднесрубных погребений данное положение рук встречается крайне редко;
5. В обоих массивах руки погребенных чаще всего были согнуты в локтях под острым углом и направлены кистями к голове.

Таким образом, в массиве позднесрубных комплексов можно найти истоки всех рассмотренных обрядовых проявлений, присущих массиву ФБ(И). С другой стороны, почти все анализируемые проявления погребального обряда позднесрубных захоронений находят продолжение в массиве ФБ(И). Учитывая вышесказанное, можно согласиться с В.В. Потаповым, отметившим генетическую связь погребений финальной бронзы Нижнего Подонья с погребениями срубной культуры [Потапов 2005, с.142]. Стоит, правда, уточнить, что наиболее близки к срубным погребения, выделяемые нами в массив ФБ(И).

Вместе с тем, нельзя обойти вниманием и существенные различия, имеющиеся между массивами:

1. Для позднесрубных погребений наиболее характерна ориентировка умерших на восток головой. В массиве ФБ(І) чаще, чем она, встречается ориентировка на юго-восток;
2. В массиве ФБ(І) значительно выше удельный вес погребений, где умершие были уложены на правом боку, чем в массиве позднесрубных погребений;
3. В массиве ФБ(І) намного выше удельный вес комплексов, демонстрировавших среднюю и слабую степень скорченности умерших, чем в массиве позднесрубных погребений;
4. В массиве ФБ(І) значительно выше, чем в массиве позднесрубных погребений, частота встречаемости тех вариантов положения рук, которые в последнем массиве являются аномальными.

Перечисленные различия между массивами, как мы полагаем, не перечеркивают сходства между ними и могут быть объяснены деформацией погребального обряда с течением времени, причем отмеченная деформация была не настолько сильной, чтобы сделать основные обрядовые проявления сравниваемых массивов несопоставимыми.

Весьма показательным и **сравнение массива ФБУ(І) с позднесрубными памятниками территории Украины**. В качестве контрольной выборки последних нами были использованы 533 захоронения с территории Донбасса и Северо-Восточного Приазовья в пределах Донецкой области. Между двумя массивами можно заметить несомненное сходство (см. табл. 5 и 6) по следующим пунктам:

1. В массиве позднесрубных погребений в большинстве случаев (89,4%) умершие были ориентированы в интервале 45-135°, которая присуща захоронениям массива ФБУ(І);
2. В обоих массивах преобладает положение умерших на левом боку;
3. В обоих массивах чаще всего встречается сильная скорченность умерших;
4. Совпадает большая часть вариантов положения рук.

Отсюда правомерно допущение, что два рассмотренных массива генетически связаны.

Любопытно следующее. Массив ФБУ(І) демонстрирует практически те же самые проявления деформации позднесрубного погребального обряда, что и массив ФБ(І):

1. Сильно возрастает удельный вес погребений, где умершие были ориентированы на юго-восток;
2. Возрастает удельный вес погребений, где умершие были уложены на правом боку;
3. Несколько сокращается удельный вес захоронений с сильной скорченностью погребенных, но при этом существенно возрастает процент комплексов со слабой степенью скорченности умерших;
4. Сильно уменьшается удельный вес захоронений, где кисти согнутых в локтях рук были направлены к голове. Одновременно возрастает частота встречаемости тех вариантов положения рук, которые в позднесрубное время являются аномальными.

Таким образом, можно констатировать, что в ареалах массивов ФБУ(І), с одной стороны, и ФБ(І), с другой, срубный погребальный обряд, известный нам по памятникам добелозерского времени, деформировался в одних и тех же направлениях. Это является весомым доводом в пользу того, что оба массива, несмотря на существенные различия между ними в ряде категорий и типов погребального инвентаря, входили в состав одного культурного пространства, т.е. являлись частями одной археологической культуры.

Уточнить северо-восточную “границу” данной культуры позволяет захоронение из Тростянки 8/1 Саратовской обл. (бассейн р. Хопер). Оно было введено в центральную часть кургана. Погребенный лежал скорченно на левом боку с завалом на спину (степень скорченности слабая). Ориентировка – восток-юго-восток. Правая рука умершего была слегка согнута в локте и кистью положена на таз. Положение левой не устанавливается. Погребальный инвентарь представлен 2 выпуклыми бронзовыми бляшками с литым ушком, 3 бляшками с двумя пробитыми отверстиями, крупной аметистовой бусиной и мелкими

бусами из камня или пасты [Хреков 2005, с. 5]. Автор публикации отнес комплекс к “киммерийским памятникам”, ссылаясь на присутствие здесь бляшек, находящих аналогии среди материалов предскифского времени [Хреков 2005, с. 5]. Отметим, что по обряду рассматриваемое погребение вполне вписывается в массив ФБ(І). В захоронениях данного массива, правда, до сих пор не выявлено выпуклых бляшек с двумя отверстиями, подобных артефактам из Тростянки³¹. Вместе с тем, в них встречаются пастовые бусы [Потапов 2007, рис. 1, 4-6, 9-12], пронизи, скрученные из бронзовых пластинок [Потапов 2005, рис. 3, 11] и бляшки с ушками (т.н. “бляшки-пуговицы”). Среди последних выделяются две разновидности: а) бляшки, отливавшиеся вместе со стержнем, который потом загибался в петлю [Потапов 2007, рис. 1, 20-25]; б) бляшки с литыми ушками [Потапов 2005, рис. 3, 14]. В.В. Потапову удалось довольно убедительно доказать, что бляшки первой разновидности датируются эпохой поздней и, особенно, финальной бронзы. В погребениях предскифского времени они практически не встречаются [Потапов 2007, с. 272]. Ситуация с бляшками второй разновидности сложнее. Большинство их выявлено в культурах финальной бронзы, причем данные изделия в то время были распространены на обширной территории – в Центральной Европе [Chochorowski 2007, рис. 3, 5, 7; Nicić 2008, fig. 45, 4-6; p. 165], на юге Восточной Европы [Горбунов, Обыденнов 1980, рис. 3, 4; Халиков 1980, рис. 60, 173, 178; Левицкий 1985, рис. 3³²; Ильюков, Казакова 1988, рис. 17, 11; Гершкович 1998, рис. 13, 3], Северном Кавказе [Березин, Калмыков 1998, рис. 9, 3], в Южном Зауралье [Костюков и др. 1996, рис. 5, 3, 4], Притоболье [Логвин, Шевнина 2012, рис. 3, 1] и даже на Среднем Енисее [Лазаретов 2006, рис. 4]. Аналогичные бляшки продолжали использоваться и в предскифское время. В частности, они выявлены в черногоровских погребениях со скорченными костяками из Волошского Днепропетровской обл. [Тереножкин 1976, рис. 12, 6], Мелитополя 2/3 Запорожской обл. [Махортых 2005, рис. 115, 8] и, возможно, Черногоровки 1/3 Донецкой обл. [Махортых 2005, с. 68]. Впрочем, в захоронении из Черногоровки интересующие нас артефакты находились рядом с деталями узды, т.е., строго говоря, перед нами – изделия иного функционального назначения, чем “пуговицы” из Тростянки. По мнению С.В. Махортыха, к “киммерийским” относится и комплекс с “пуговицей” из Золотой Балки п. 3 [Махортых 2005, с. 333]. Но, на наш взгляд, выявленное в нем пластинчатое височное кольцо свидетельствует о том, что захоронение датируется белозерским временем [см.: Потапов 2010б]. Одна бляшка рассматриваемой разновидности обнаружена в т.н. “новочеркасском” погребении из Койсуга 5/9 Ростовской обл. [Лукияшко 1999, рис. 47, 4]³³. Словом, “пуговицы” из Тростянки сами по себе датирующими не являются. Учтем, однако, следующее:

1. В рассматриваемом захоронении выявлены мелкие бусы из пасты или камня. Как отмечалось выше, пастовые бусы не характерны для черногоровской культуры. Не встречаются в бесспорных черногоровских погребениях и бусы из камня. Вместе с тем, бусы, близкие артефактам из Тростянки, известны в ряде погребений финальной бронзы Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Подонья (Салок I п. 42; Холодный I 1/1; Лакедемоновка I 4/4³⁴), а также – в белозерской культуре [Отрощенко 1986, с. 143; Ванчугов 1990, с. 99-102];

³¹ Известна лишь находка плоской бляшки с двумя отверстиями и пуансонным орнаментом по краю [Березин, Калмыков 1998, рис. 9, 5].

³² Автор публикации относит захоронение к раннему железному веку. Сейчас раннегальштатский комплекс Тэмеоань-Ханска-Холеркань, в который оно включается, датируется белозерским временем [Агульников 2010, с. 187].

³³ Стоит упомянуть и черногоровское погребение из Крепинского II, 28/3, Ростовская обл. Здесь находились 2 бляшки-пуговицы [Шарафутдинова, Дубовская 1987, с. 29], но из публикации не ясно, являлись ли их ушки литыми.

³⁴ Здесь, в отличие от двух предшествующих комплексов, где находились пастовые бусы, выявлена бусина, вероятно, сделанная из камня.

2. Сосуд, который автор публикации связывает с погребением из Тростянки [Хреков 2005, рис. 3, 2], не имеет аналогий среди предскифской керамики, но вполне соответствует керамическим формам эпохи поздней бронзы.

Отсюда, как мы полагаем, захоронение из Тростянки, правомерно датировать финалом бронзового века и включать в массив ФБ(І). Таким образом, данное захоронение свидетельствует в пользу того, что ареал погребений массива ФБ(І) не ограничивается Нижним Подоньем, Предкавказьем и югом Нижнего Поволжья.

Итак, мы склонны отстаивать точку зрения, согласно которой в белозерское время в ряде регионов продолжала существовать срубная культура. В частности, В.Н. Горбов доказал это применительно к территории Северо-Восточного Приазовья. Исследователь исходил из того, что комплексы V горизонта поселения Безыменное-II, бесспорно датирующиеся белозерским временем, генетически связаны с более ранними комплексами данного памятника, а следовательно едва ли можно говорить о культурной смене в Северо-Восточном Приазовье на рубеже XIII-XII вв. до н.э. [Горбов 1995, с. 58-63]. В.Н. Горбов считает, что и на Нижнем Дону в белозерское время продолжала существовать срубная культура. К ней, в частности, исследователь отнес датируемую белозерским этапом землянку I поселения Ляпичев хутор [Горбов 2001, с. 68].

Нужно, на наш взгляд, уточнить один нюанс. Э.С. Шарафутдинова, а позже В.А. Ромашко, выделяя срубные захоронения белозерского времени, употребили термин “позднесрубные” [Шарафутдинова 1991б; Ромашко 1999]. Как нам кажется, данный термин не очень удачен, ибо при его применении мы смешиваем захоронения финальной бронзы с более ранними срубными, относящимися к сабашиновскому времени. Сейчас В.А. Ромашко один из “культурно-хронологических” горизонтов поселения Богуслав I (Днепропетровская обл.) обозначает термином “срубно-белозерский” [Ромашко 2011, с. 101]. Насколько можно догадываться, здесь имеется в виду то, что материалы горизонта относятся к срубной культуре и при этом датируются белозерским временем. Данный термин вполне конкретен, однако, на наш взгляд, не слишком удачен, ибо у тех, кто мало знаком со взглядами В.А. Ромашко, может возникнуть впечатление, что речь идет о некоем “гибриде” срубной и белозерской культур.

Я.П. Гершкович применительно к памятникам финала поздней бронзы, выявленным за пределами ареала белозерской культуры, предложил использовать термин “постсрубные” [Гершкович 1998, с. 63], что встретило поддержку некоторых исследователей [см., например: Горбов, Кабанова 2011, с. 50; Стадник 2011, с. 270; Супруненко 2012, с. 374, 376]. Но и этот термин оставляет желать лучшего, ибо при его использовании мы не только оговариваем определенные временные рамки, но (вследствие использования приставки “пост”) решительно отсекаем данные памятники от предшествующих им, что не вполне верно, поскольку генетическая связь между памятниками срубной культуры сабашиновского времени и “постсрубными” памятниками все-таки существует. Отсюда, как мы полагаем, более корректным будет использование термина “финальносрубные”. Но насколько он правомерен? На этот вопрос не может быть однозначного ответа. Все зависит от того, какие методологические установки мы изберем. Если исходить из того, что важнейшим признаком археологической культуры является более-менее стандартизированный погребальный обряд, который мало изменяется на протяжении всего времени существования культуры, то придется признать, что прав В.В. Потапов, выступая за автономию памятников финальной бронзы (в том числе и тех, которые мы относим к массиву І) от срубной культуры. Правда, следуя такой логике, придется признать и многое другое. Например, что памятники трех этапов днепро-донской бабинской культуры, демонстрирующие существенные различия в погребальном обряде [Литвиненко 2009, с. 12-13], нужно относить к трем разным археологическим культурам, которые сменяют друг друга. Или то, что ранние и поздние погребения доно-волжской абашевской культуры, различающиеся по многим обрядовым проявлениям [см.: Пряхин, Беседин 2001, с. 17-19], также репрезентуют разные археологические культуры.

Однако, проблему памятников финальной бронзы можно рассматривать и с позиций циклических теорий развития. Данные теории предполагают прохождение социума через серию фаз, каждая из которых имеет свои специфические черты. Последней фазе присуще то, что т.н. “прафеномен” или “пороговый смысл”, который предопределяет все проявления культуры данного социума, отмирает, становится объектом осмеяния. Старая религия, регламентировавшая погребальный обряд, уходит в забвение. Люди ищут новый пороговый смысл, что, в частности, проявляется в появлении новшеств в погребальном обряде [подробнее см.: Цимиданов 2006].

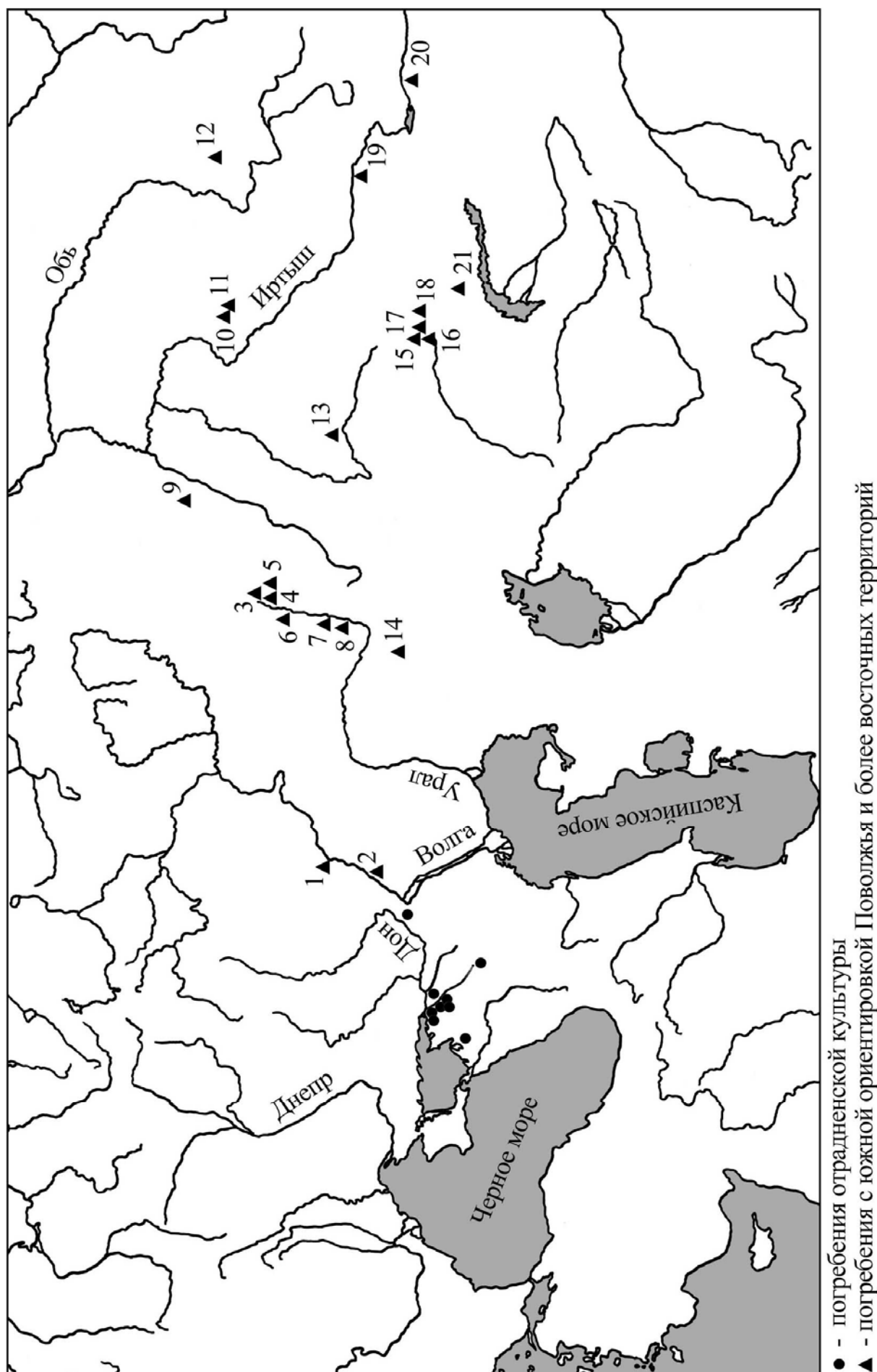
И еще один момент является существенным. В соответствии с циклическими теориями развитие культуры не может оборваться на стадии, когда социум находится в состоянии экономического расцвета, разве что данный социум сметет вражеское нашествие. Но если последнее не имело места, социум проходил все стадии от расцвета культуры до ее угасания. Что касается срубного общества, то в период, синхронный поздней сабатиновской культуре (младшая ступень позднесрубного периода по схеме Н.Н. Чередниченко [1986, с. 65]) никакого кризиса не фиксируется. Нет данных и о вторжении инокультурного населения. Лишь археологические материалы белозерского времени, по крайней мере, в Северо-Восточном Приазовье, отражают нарастание кризисных явлений [Горбов, Мимоход 1999, с. 42] (для более западных, по сравнению с Северо-Восточным Приазовьем территорий, см.: Бруйко 2010, с. 296). Отсюда вытекает, что срубная культура существовала не только в сабатиновское, но и в белозерское время. То, что в эпоху финальной бронзы она сильно трансформировалась и впитала много инокультурных элементов, вполне объяснимо. Как отмечено выше, последней, кризисной фазе любой культуры присущ поиск нового порогового смысла.

Таким образом, с точки зрения циклических теорий, захоронения массива I, демонстрирующие в обряде как сходство, так и отличия от более ранних срубных захоронений, учитывая генетическую связь оставившего их населения со срубниками предшествующего времени, вполне правомерно рассматривать в рамках срубной культуры.

Перейдем теперь к **вопросу 2**: каково происхождение отрадненской культуры? По сравнению с финальносрубной культурой, отрадненская выглядит несколько “блекло”: погребений намного меньше, инвентарь их не столь разнообразен, даже керамика почти не орнаментирована. При всем том отрадненская культура демонстрирует явление, принципиально новое на рассматриваемой территории: южную (с отклонениями) ориентировку погребенных. Добавим, что данное явление было в каком-то смысле “мимолетным”. Традиция южной ориентировки захоронений в черногоровское время почти сошла на нет [Отрощенко 1989, с. 112].

Едва ли применительно к памятникам финальной бронзы Нижнего Подонья, Предкавказья и Нижнего Поволжья уместно рассматривать появление южной ориентировки погребенных как влияние белозерской культуры. Типичные по обряду и инвентарю белозерские захоронения в южной полосе степей почти отсутствуют восточнее р. Молочная³⁵. В Северо-Восточном Приазовье их нет. Поэтому, на наш взгляд, истоки южной ориентировки захоронений отрадненской культуры стоит искать не на западе, а на востоке. В.В. Потапов уже обращал внимание на то, что данная ориентировка в эпоху финальной бронзы была присуща погребениям разных культур, в том числе выявленным восточнее Нижнего Подонья. По мнению исследователя, эта ориентировка была проявлением “культово-идеологических новаций” [Потапов 2000, с. 67-68].

³⁵ На левом берегу р. Молочная известно лишь 1 белозерское погребение [Отрощенко 1986, рис. 34].

← **Рис. 6.** Карта распространения погребений отрадненской культуры и погребений с южной ориентировкой культур эпохи поздней бронзы Поволжья и более восточных территорий: **1** – Петровский Городок; **2** – Быково; **3** – Белоключевка; **4** – Шатрово; **5** – “У поворота...”; **6** – Ново-Байрамгулово; **7** – Ильяский II; **8** – Сукраково; **9** – Мыс-2; **10** – Преображенка; **11** – Абрамово; **12** – Титово; **13** – Саргары; **14** – Бестамак; **15** – Красные Горы; **16** – Темиркаш; **17** – Темиртау; **18** – Актопрак; **19** – Меновное VIII; **20** – Малокрасноярка; **21** – Кызыл

← **Fig. 6.** Map of distribution of burials of Otradnenskaia culture and burials with the southern orientation of cultures of the Late Bronze of the Volga reaches and further eastern areas

Отметим, что южная, юго-юго-западная и юго-юго-восточная ориентировки в конце бронзового века получают распространение на обширных пространствах степной и лесостепной Азии (рис. 6). Погребения с такой ориентировкой известны, например, в саргаринской культуре³⁶ [Черников 1960, с. 49, 51; Зданович 1988, табл. 10, 3; Ткачев 2002, с. 129, 137, 139-140; Логвин, Шевнина 2012], памятниках донгальского типа [Бейсенов, Солодовников 2011, с. 210], трушниковского типа [Ткачева, Ткачев 2008, с. 201], ирменской культуре [Молодин 1985, рис. 66, 1-14, 16], бархатовской культуре [Матвеева, Зимина 2011, с. 244-245]. Для наших построений важно то, что южная с отклонениями ориентировка в эпоху финальной бронзы распространяется на Южном Урале [Костюков и др. 1996, с. 154, 156; Гарустович 2000, с. 124; Таиров 2006, рис. 3.21, 15, 17; Федоров, Васильев 2009; Епимахов 2010, рис. 2, 1, 4]. Здесь (на территории Челябинской обл. и Башкортостана) нами учтено 13 захоронений с такой ориентировкой. На первый взгляд, это – мало. Учтем, однако, что на Южном Урале в настоящее время вообще известно немного погребений финала бронзового века, но при этом в их массиве южная с отклонениями ориентировка доминирует над прочими.

Относительно культурной атрибуции памятников финала бронзового века Южного Урала высказывались разные точки зрения. Основные из них три:

1. Данные памятники относятся к саргаринской культуре [Гарустович 2000, с. 124; Федоров, Васильев 2009, с. 72];

2. Памятники являются синкретическими: демонстрируют саргаринские и межовские черты [Костюков и др. 1996, с. 158];

3. Памятники следует выделять в самостоятельный белоключевский тип [Епимахов 2000, с. 48].

Вариантом последней точки зрения является гипотеза, согласно которой памятники белоключевского типа имеют истоки в ирменской культуре и демонстрируют к тому же элементы культуры населения, продвинувшегося из Приаралья [Петрова 2011, с. 325].

Несмотря на отмеченные разногласия, исследователи памятников финала бронзы Южного Урала констатируют их связь с саргаринской культурой. Словом, Южный Урал в конце бронзового века представлял собой анклав, где жило население, погребавшее умерших, ориентируя их головой преимущественно на юг (с отклонениями) и использовавшее керамику с чертами саргаринской культуры. Теперь напомним, что археологи Украины уже давно обратили внимание на присутствие керамики саргаринского облика в керамических сериях многих поселений конца сабастиновского – белозерского времени на территории Приазовья и Поднепровья [Горбов 1995, с. 58, 63; 1996, с. 17; Гершкович 1998, с. 72, 75; Куштан 2009, с. 79-80; Горбов, Кабанова 2011, с. 50]. Несомненно, появление на территории современной Украины данной керамики явилось результатом

³⁶ По другим терминологиям – алексеевская [Потемкина 1979, с. 29], саргаринско-алексеевская [Зданович 1988, с. 149], дандыбай-саргаринская [Евдокимов 2000, табл. 2], бегазы-дандыбаевская [Варфоломеев 2008, с. 131; 2011, с. 216], алексеевско-саргаринская [Курманкулов и др. 2009, с. 192; Логвин, Шевнина 2012, с. 156-157], бегазы-саргаринская [Сараев, Горячев 2011, с. 37] культура. Е.Е. Кузьмина дефиницию “культура” применительно к рассматриваемым памятникам вообще считает некорректной и использует термин “памятники алексеевского типа” [Кузьмина 2008б, с. 206].

продвижения сюда населения с востока. Упомянутый выше южноуральский анклав как раз и мог быть тем регионом, откуда происходила данная миграция. Но культура этого населения включала южную ориентировку погребенных. В данной связи стоит обратить внимание на захоронения с южной ориентировкой из Петровского Городка Саратовской обл. [Тугушев 2009, с. 95-96]. Очевидно, они являются следами упомянутой миграции. К памятникам финальной бронзы территории Саратовской обл., возможно, относится и разрушенное погребение из Чапаевки 1/1, где выявлен фрагмент сосуда, орнаментированный валиком, поверх которого была нанесена горизонтальная елочка, что присуще саргаринской керамике [см., например: Кузьмина 2008б, рис. 46, 5]. Похоже, одну группу с упомянутыми погребениями образуют комплексы с южной, юго-юго-восточной и юго-восточной ориентировками из Быково I 15/1-3 [Смирнов 1960, с. 211]. Последние демонстрируют большое сходство с погребениями отрадненской культуры, но это сходство касается, в основном, поз и ориентировки умерших. Быковские погребения содержат более разнообразный инвентарь, в т.ч. предметы, в отрадненских захоронениях до сих пор не встреченные: бронзовые нож и шило, подвеску из камня, кремни, астрагалы, створку раковины, кусочек серы³⁷. Кроме того, над захоронениями из Быково I 15/1-3 был возведен курган. В отрадненской культуре основных курганных погребений до сих пор не известно. Объяснение отмеченной “блеклости” отрадненской культуры может быть следующим. Памятники ее, в основном, расположены южнее “коридора”, по которому прошел “саргаринский” “поток”³⁸. Видимо, в случае с отрадненской культурой мы сталкиваемся с южным ответвлением данного “потока”. Носители элементов “саргаринской” культуры, одним из которых была южная ориентировка умерших, оказались в “инертной” среде, которая не восприняла ни саргаринские керамические формы, ни южную ориентировку. Они же сами с течением времени перешли на местную керамику, а позже, на рубеже железного века, были полностью ассимилированы в культурном плане и не внесли практически никакого вклада в генезис черноголовской культуры.

Изложенная выше гипотеза о существовании южного ответвления от “саргаринского” “коридора” дает ответ и на **вопрос 3**: как могло случиться, что ареалы финально-срубной и отрадненской культур частично взаимно наложались? По нашему мнению, носители традиции южной ориентировки захоронений какое-то время жили чересполосно с финально-срубным населением. Подобная ситуация не является для эпохи бронзы чем-то аномальным. Как показали исследования Н.А. Членовой, чересполосное размещение памятников разных, но синхронных культур эпохи бронзы встречается довольно часто [Членова 1981, с. 26]. О сосуществовании на одной территории носителей срубной и сабатиновской культур писал применительно к Нижнему Поднепровью и Днепровско-Молочанского междуречья Я.П. Гершкович [1993 с. 13]. Словом, аналогичная ситуация в белозерское время вполне могла иметь место на Нижнем Дону и в Предкавказье, где сосуществовали носители финально-срубной и отрадненской культур.

В заключение вернемся к проблеме восточной “границы” белозерской культуры. Судя по комплексам, опубликованным В.В. Отрощенко и Н.П. Шевченко [1987 с. 134-139], по Приазовью белозерцы продвинулись на восток до р. Молочная. Вместе с тем, вряд ли правомерно допускать, что территория между Днепром и Молочной была ими полностью освоена. Значительная часть Днепро-Молочанского междуречья, скорее всего, являлась зоной, где происходили контакты представителей белозерского и срубного миров (см. рис. 7). В данном плане показателен керамический комплекс поселения на Белозерском лимане. Как отметил В.Н. Горбов, часть посуды с данного памятника может быть сопоставлена с керамическими сериями V горизонта поселения Безыменное-II [Горбов 1995, с. 67-68].

³⁷ Отметим, что большинство перечисленных категорий инвентаря находит аналогии в финально-срубных захоронениях массива ФБ(1).

³⁸ Имеется в виду движение на запад населения Южного Урала.

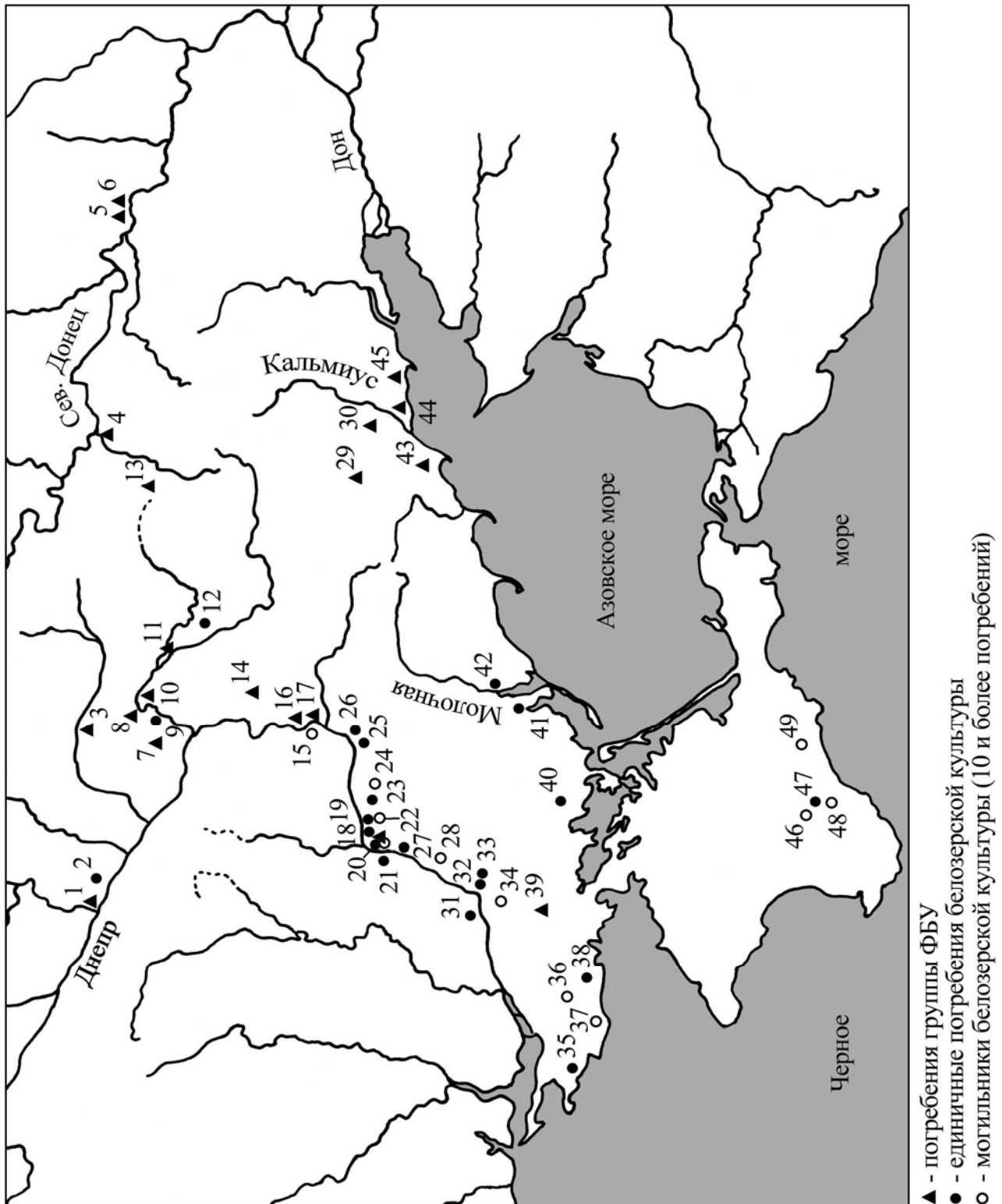

Рис. 7. Карта распространения погребений белозерской культуры и группы ФБУ на левобережье Днепра и смежных территориях: 1 – Волошино IV; 1А – Кузьменки I; 2 – Компанийцы; 3 – Осиповка; 4 – Рай-Стародубовка; 5 – Пионерское; 6 – Ново-Кондрашевская; 7 – Верхняя Маевка XVIII; 8 – Николаевка I; 9 – Самарский; 10 – Песчанка; 11 – Троицкое I; 12 – Дубовики; 13 – Мариенфельд; 14 – Новоукраинка; 15 – Верхняя Хортица; 16 – Кичкас II; 17 – Днепрострой (Кичкас) А; 18 – Мамай-Гора; 19 – Большая Знаменка (1996); 20 – Первомаевка (1953; 1980; 1981); 21 – Золотая Балка; 22 – Большая Знаменка (1987); 23 – Ильинка; 24 – Степной; 25 – Балки; 26 – Шмальки; 27 – Широкая Могила; 28 – Каиры; 29 – Розовка; 30 – Кременевка; 31 – Змеевка; 32 – Лукьяновка; 33 – Любимовка; 34 – Чернянка; 35 – Острая Могила; 36 – Брилевка; 37 – Широкое; 38 – Каланчак; 39 – Новокаменка;

40 – Сивашовка; 41 – Атманай; 42 – Аккермень; 43 – Камышеватая XVI; 44 – Зинцева Балка; 45 – Безыменное II; 46 – Донское; 47 – Баланово; 48 – Суучхан; 49 – Новокленовка

← **Fig. 7.** Map of distribution of burials of Belozerskaia culture and FBU group (Final Bronze of Ukraine) on the left bank of Dnepr and its reaches

Интересны и материалы поселения раннебелозерского времени Бешташ Запорожской обл. Исследовавший его В.А. Самар отнес данный памятник к белозерской культуре, но, вместе с тем, указал на близость его керамики к посуде срубного поселения Николаевка Донецкой обл. [Самар 1995, с. 68-70]. Насколько можно судить по краткой публикации информации о памятнике (полная, увы, насколько нам известно, так и не появилась), поселение демонстрирует преобладание в керамике срубных черт, но, вместе с тем – следы белозерского влияния (присутствие черпаков и кубков). Словом, материалы памятника свидетельствуют о связях между носителями белозерской культуры и финальносрубным населением.

Другой пример контактов носителей двух упомянутых культур показывают материалы кургана 2 могильника Атманай Запорожской обл. Здесь, наряду с типичными по обряду белозерскими погребениями 5 и 10, исследовано погребение 9, где умерший был положен головой на восток-юго-восток. При этом его сопровождало бронзовое височное кольцо из проволоки. Аналогичное изделие находилось в погребении 5 данного кургана [Отрощенко, Шевченко 1987, с. 136-138]. Отсюда вытекает, что погребения 9 и 5 оставлены одной группой населения. Таким образом, захоронение 9, которое, будь оно одно в кургане, можно было бы включить в массив ФБУ(І), более правомерно отнести к белозерской культуре.

Еще одной контактной зоной между белозерским и срубным населением являлась левобережная часть бассейна Днепра между реками Орель и Конка (см. рис. 7)³⁹. Здесь также выявлены и погребения белозерской культуры, и погребения массива ФБУ(І).

Стоит обратить внимание на то, что ситуация в упомянутых контактных зонах очень разнилась. В северной зоне количественное соотношение захоронений двух рассматриваемых культурных образований складывается в пользу массива ФБУ(І). При этом белозерцы, похоже, не продвинулись на восток далее среднего течения р. Самара. В южной зоне, напротив, погребений белозерской культуры намного больше, чем погребений массива ФБУ(І).

На наш взгляд, корректнее очерчивать ареал белозерской культуры не по единичным захоронениям, а по большим могильникам, наличие которых является одной из характернейших черт данной культуры. Проведенная В.В. Отрощенко работа по картографированию белозерских памятников показала [см.: Отрощенко 1986, рис. 34], что на Днепровском Левобережье их наибольшая концентрация наблюдается между Днепровским лиманом, Перекопом и восточной оконечностью Каховского водохранилища. Севернее и восточнее типичные белозерские захоронения единичны.

Подводя итог нашему поиску, отметим следующее. Несмотря на то, что изучением срубной культуры углубленно занимались десятки исследователей нескольких поколений, многие проблемы осмысления срубных памятников по-прежнему остаются дискуссионными. К таковым, в частности, относится проблема финала срубной культуры. Это, впрочем, вполне понятно. Любая культура, существующая достаточно долго, с течением времени претерпевает изменения. Порой они бывают очень существенными, и тогда возникает соблазн допустить, что на смену данной культуре пришла новая. Применительно к срубной культуре такие изменения произошли в белозерское время. Показательно, что они в большей степени фиксируются по погребальным комплексам, тогда как поселения демонстрируют более “плавное” развитие. Все это вполне объяснимо с точки зрения циклических теорий: в “надломленном” обществе нарастают “шатания”, но они касаются в большей степени не экономики и материальной культуры, а духовной сферы. В предлагаемой статье мы

³⁹ С кем контактировали белозерцы в междуречье Ворсклы и Псла – не ясно.

продемонстрировали свое видение проблемы. Выдержат ли изложенные нами взгляды испытание временем, покажут новые материалы, в частности – новые погребальные памятники финала бронзового века, выявленные к востоку от Днепра. Уже сейчас можно отметить, что финал бронзового века на юге Восточной Европы являлся довольно бурным периодом. Несомненно это было время миграций. В частности, имело место продвижение на восток носителей белозерской культуры, на юг – маклашеевцев [Отрощенко 2001, с. 188], а на запад – населения из Азии. Взаимодействие различных групп, одной из которых были носители финально-зрубной культуры, вероятно, и породило ту обрядовую пестроту в ориентировке и позах погребенных, которую демонстрируют захоронения финала бронзы, выявленные к востоку от Днепра. Добавим, что специфика погребального обряда части захоронений (например, комплексов из Лукьяновки, Зинцевой Балки 1/7, Подгорного 5/1) могла быть предопределена высоким общественным положением умерших.

Підобід В.А., Усачук А.М., Циміданов В.В.

ДЕЯКІ ДИСКУСІЙНІ ПРОБЛЕМИ АРХЕОЛОГІЇ ПІВДНЯ СХІДНОЇ ЄВРОПИ ФІНАЛУ БРОНЗОВОЇ ДОБИ

У статті розглядаються поховання фіналу бронзової доби, виявлені на схід і північний схід від ареалу білозерської культури. Основна увага приділяється похованням Нижньої Донщини і Передкавказзя, які В.В. Потапов відніс до “відраденської культури”. На думку авторів, серед цих поховань присутні комплекси щонайменш двох різних культурних груп: 1. Поховання фінальної зрубної культури, для яких є характерними скорчене на боці положення небіжчиків з орієнтуванням головою в секторі 45-135°; 2. Поховання зі скорченим на боці станом небіжчиків з орієнтуванням головою в секторі 155-205°. Саме комплекси останньої групи, згідно авторам, правомірно виділяти у відраденську культуру. В роботі наводяться аргументи на користь того, що дана культура склалася в результаті приходу населення зі сходу (зі Зауралля).

Ключові слова: фінал бронзового століття, поховання, відраденська культура, фінальна зрубна культура.

Podobed V.A., Usachuk A.N., Tsimidanov V.V.

SOME DEBATABLE PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY OF THE SOUTH OF EASTERN EUROPE OF THE BRONZE AGE ENDING

The paper considers burials of the ending of the Bronze Age which were discovered to the east and the northeast off an area of Belozerskaia culture. The main attention is paid to the Lower Don Reaches and Ciscaucasia burials which V.V. Potapov has attributed to “Otradnenskaia culture”. In the authors’ opinion, among these burials there are complexes of at least two different cultural groups, i.e.: 1. Burials of the final Timber Grave culture which are characteristic of the deceased writhed on a side with their heads oriented to the range of 45-135°; 2. Burials where the deceased were writhed on a side with their heads oriented to the range of 155-205°. According to the authors, the complexes of this group could be rightfully attributed to the Otradnenskaia culture. The paper provides arguments in favour of that this culture has developed as a result of arrival of the population from the East (from behind Ural Mountains).

Keywords: the ending of the Bronze Age, burial, Otradnenskaia culture, final Timber Grave culture.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Список учтенных погребений белозерского времени Подонья, Предкавказья и Нижнего Поволжья

Ростовская область

1. Арпачин II, 5/11 [Шарафутдинова 1991б, с. 184-185];
2. Балабинский I, 10/12 [Потапов 2005, рис. 3, 10, 11];
3. Бессергеновский, 1/2 [Шарафутдинова 1991б, с. 187; Потапов 2005, рис. 3, 17, 18];

4. **Высочино V, 29/9** [Потапов 2005, рис. 4, 1, 2];
5. **Донской, 6/9** [Потапов 2005, рис. 3, 3, 6];
6. **Кастырский VII, 1/5** [Лукьяшко 1999, с. 49; Потапов 2005, рис. 4, 7, 8];
7. **Кировский I, 3/6** [Потапов 2005, рис. 4, 9-11];
8. **Койсуг, 4/38** [Потапов 1999, с. 64-65];
9. **Койсуг, 5/10** [Коренько, Максименко 1978, табл.; Потапов 2005, табл. 1];
10. **Колдыри, 14/10** [Шарафутдинова 1991б, с. 185];
11. **Крепинский I, 18/9** [Потапов 2005, рис. 3, 7-9];
12. **Криволиманский III, 3/1** [Лукьяшко 1999, с. 78; Потапов 2005, рис. 2, 15, 16];
13. **Лакедемоновка I, 4/4** [Ильюков, Казакова 1988, с. 70; Потапов 2005, с. 138];
14. **Ливенцовский IV, п. 1** [Отрошенко 2001, с. 187; Потапов 2005, рис. 2, 9-14];
15. **Мартышкина Балка, п. 92** [Потапов 2005, рис. 3, 1, 2];
16. **Октябрьский I, 1/1** [Прокофьев 2004, с. 298];
17. **Отрадный II, 4/1** [Потапов 2000, с. 62-63];
18. **Отрадный II, 7/6** [Потапов 2000, с. 62];
19. **Отрадный II, 15/8** [Потапов 2000, с. 63];
20. **Прогресс I, 2/1** [Парусимов 1997, с. 29; Потапов 2005, табл. 1];
21. **Прогресс I, 2/2** [Парусимов 1997, с. 30; Потапов 2005, табл. 1];
22. **Пятизбенская (балка Савельевская)** [Отрошенко, Шевченко 1987, с. 141];
23. **Русский Колодец XVI⁴⁰, 3/10** [Ильюков, Казакова 1988, с. 108; Потапов 2010, с. 155];
24. **Рябичев, 3/22** [Парусимов 2009, с. 42];
25. **Салок I, п. 27** [Алейников 2008, с. 29];
26. **Салок I, п. 42** [Потапов 2007, с. 270-272; Алейников 2008, с. 40-42];
27. **Северный II, 2/4** [Шарафутдинова 1991б, с. 186];
28. **Северный II, 9/6** [Потапов 2005, рис. 4, 12-13];
29. **Северный II, 10/4** [Шарафутдинова 1991б, с. 185-186];
30. **Холодный I, 1/1** [Шарафутдинова 1995, рис. 12, 1-3; Потапов 2005, с. 138];
31. **Холодный IV, 2/4** [Копылов, Лукьяшко 1995, с. 122, 124; Потапов 2005, с. 138];
32. **Целинский III, 3/2** [Потапов 2005, рис. 4, 3, 4; 2009, с. 84];
33. **Центральный IV, 7/3** [Лукьяшко 1999, с. 78; Потапов 2005, рис. 2, 17, 18];
34. **Черный II, 1/6** [Парусимов 2004, с. 51-52];
35. **Шахаевский II, 2/11** [Потапов 2005, рис. 4, 5, 6];
36. **Южный, 3/1** [Калмыков, Потапов 2004, с. 107];

Краснодарский край

37. **Анапский I, 2/3** [Шарафутдинова 1991б, с. 187];
38. **Батуринский I, 9/10** [Шарафутдинова 1991б, с. 187];
39. **Греки I, 2/74** [Сорокина 1985, табл. 1, рис. 5, 4];
40. **Лебеди I, 3/4** [Сорокина 1985, табл. 1, рис. 3, 3];
41. **Михайловский, 11/10** [Шарафутдинова 1991б, с. 187-188];
42. **Пролетарский, 1/6** [Шарафутдинова 1991б, с. 187];

Ставропольский край

43. **Золотаревка I, 25/8** [Калмыков, Потапов 2004, с. 104, 107];
44. **Ипатовский курган, п. 4** [Корневский и др. 2007, с. 31];
45. **Ипатовский курган, п. 5** [Корневский и др. 2007, с. 31-32];
46. **Ипатовский курган, п. 8** [Корневский и др. 2007, с. 32];
47. **Ипатовский курган, п. 9** [Корневский и др. 2007, с. 32-33];
48. **Ипатовский курган, п. 10** [Корневский и др. 2007, с. 33-34];
49. **Ипатовский курган, п. 11** [Корневский и др. 2007, с. 34];
50. **Ипатовский курган, п. 12** [Корневский и др. 2007, с. 34];
51. **Ипатовский курган, п. 31** [Корневский и др. 2007, с. 37];
52. **Ипатовский курган, п. 34** [Корневский и др. 2007, с. 42-43];
53. **Красногвардейское, 1/6** [Березин, Калмыков 1998, с. 59-60];
54. **Красногвардейское, 1/19** [Березин, Калмыков 1998, с. 71-72];

⁴⁰ У В.В. Потапова – Беглица [Потапов 2010, с. 155].

Саратовская область

- 55. Петровский Городок, п. 4 [Тугушев 2009, с. 95-96];
- 56. Петровский Городок, п. 5 [Тугушев 2009, с. 96];
- 57. Тростянка, 8/1 [Хреков 2005, с. 5];

Волгоградская область

- 58. Быково I, 3/2 [Смирнов, 1960, с. 176; Отрощенко, Шевченко 1987, с. 141];
- 59. Быково I, 15/1 [Смирнов, 1960, с. 211; Отрощенко, Шевченко 1987, с. 141];
- 60. Быково I, 15/2 [Смирнов, 1960, с. 211; Отрощенко, Шевченко 1987, с. 141];
- 61. Быково I, 15/3 [Смирнов, 1960, с. 211; Отрощенко, Шевченко 1987, с. 141];
- 62. Иловатка, 3/2 [Смирнов, 1959, с. 234; Отрощенко, Шевченко 1987, с. 141];
- 63. Новый Рогачик, 7/5 [Мамонтов 2010, с. 183];
- 64. Подгорный, 5/1 [Мамонтов 1999, с. 52-53];

Астраханская область

- 65. Барановка, 2/6 [Дворниченко, Федоров-Давыдов 1989, с. 27; Потапов 1997, с. 130];
- 66. Кривая Лука V, 5/9 [Дворниченко и др. 1977, с. 54; Потапов 2010 б, с. 155].

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

**Список учтенных погребений белозерского времени Левобережной Украины,
не относящихся к белозерской культуре**

Полтавская область

- 1. Волошино IV, 7/2 [Супруненко 2007, с. 104];
- 2. Кузьменки I, 2/3 [Супруненко 2012, с. 104];

Днепропетровская область

- 3. Верхняя Маевка XVIII, 4/3 [Ковалева и др. 1977, с. 69-70; Ромашко 1999, с. 124];
- 4. Николаевка I, 3/4 [Ковалева и др. 1979, с. 29; Ромашко 1999, с. 125];
- 5. Осиповка, п. 32 [Беляев 1981, с. 68-69; Ромашко 1999, с. 126];
- 6. Песчанка, 1/5 [Ромашко 1984, с. 106-107];
- 7. Троицкое I, 13/5 [Ромашко 1999, с. 126; Махортых 2005, с. 363-364];

Запорожская область

- 8. Днепрострой (Кичкас) А, п. 35 [Шарафутдинова 1982, с. 75; Ромашко 1999, с. 124];
- 9. Кичкас II, 9/Д [Шарафутдинова 1982, с. 77; Ромашко 1999, с. 124].
- 10. Новоукраинка, 3/1 [Попандопуло, Шмакова 1999, с. 164];
- 11. Розовка, 1/6 [Самар 1991, с. 129-130];
- 12. Розовка, 1/8 [Самар 1991, с. 130];

Херсонская область

- 13. Новокаменка, 1/4 [Генинг, Кубышев 1990, с. 18];
- 14. Первомаевка, 5/1 [Іллінська та ін. 1960, с. 139];

Донецкая область

- 15. Безыменное II, помещение 20-а (п.2) [Горбов, Мимоход 1999, с. 28];
- 16. Безыменное II, южное святилище (п.3) [Горбов, Мимоход 1999, с. 35];
- 17. Безыменное II, р. III (п. 1) [раскопки В.Н. Горбова, А.Н. Усачука 1989 г.];

18. **Зинцева Балка, 1/7** [Усачук и др. 2006, с. 11-12; Усачук та ін. 2007, с. 393-394];
19. **Зинцева Балка, 4/3** (раскопки А.Н. Усачука 2006 г.);
20. **Камышеватая XVI, п. 1** [Горбов, Руденко 2004, с. 28-31];
21. **Кременевка, 2/10** [Гаврилюк, Гершкович 1982, с. 69, 70];
22. **Мариенфельд, 1/1** (раскопки В.В. Цимиданова, 2012 г.);
23. **Рай-Стародубовка⁴¹, п. 1** [Клименко 1999, рис. 1, 6, 7; Ромашко 1999, с. 126];

Луганская область

24. **Ново-Кондрашевская** [Писларий 1971, с. 132; Вангородська 1987, с. 7];
25. **Пионерское, 2/1** [Гаврилюк, Красильников 2006, с. 417].

ПРИЛОЖЕНИЕ 3
Таблиці

Признаки	Группы захоронений			
	Ia	Iб	IIa	IIб
Кости животных	22,2	12,5	33,3	33,3
Сосуд	14,8	25,0	66,7	50,0
Фрагменты керамики	3,7	12,5	--	--
Бронзовый нож	37,0	25,0	--	--
Бронзовое шило	11,0	--	--	--
Бронзовая игла	3,7	--	--	--
Костяная проколка	7,4	--	--	--
Костяное пряслице	7,4	12,5	16,7	16,7
Керамическое пряслице	--	--	16,7	16,7
Пест	3,7	--	--	--
Оселок	3,7	--	--	16,7
Костяная стрела	3,7	--	--	--
Костяная втулка	3,7	--	--	--
Бронзовая бляшка с петелькой	11,1	--	--	--
Бронзовая бляшка	7,4	12,5	--	--
Костная бляшка	--	12,5	--	--
Бронзовая пластина	--	12,5	--	--
Бронзовая обойма	3,7	--	--	--
Бронзовая пронизь	22,2	--	--	--
Бронзовая пластинчатая подвеска	25,9	--	--	--
Бронзовая проволоочная подвеска	25,9	12,5	--	--
Бронзовая цепочка	3,7	--	--	--
Пастовые бусы	3,7	--	--	--
Костяная пронизь	7,4	--	--	--
Наборной браслет из бронзовых пронизей	--	12,5	--	--
Астрагалы	11,1	25,0	--	--
Кремень	29,6	25,0	--	--
Раковины	3,7	--	--	--
Сера	3,7	12,5	--	--
«Сосуд» из желтой массы	3,7	--	--	--
Изделие из смолы, находившееся на пальце	3,7	--	--	--
Куски мела	3,7	--	16,7	--
Ф-т бронзового изделия	--	12,5	--	--
Костяное изделие неясного назначения	3,7	--	--	--

Табл. 1. Частота встречаемости костей животных и различных категорий погребального инвентаря в группах захоронений Ia, Ib, IIa и IIб Нижнего Подонья, Предкавказья и юга Нижнего Поволжья (%)

⁴¹ Современное название – Стародубовка.

Признаки	Группы захоронений			
	Ia	Iб	IIa	IIб
Присутствие взрослых	96,0	75,0	75,0	83,3
Присутствие мужчин	50,0	75,0	--	25,0
Сильная скорченность	34,6	62,5	83,3	33,3
Средняя скорченность	38,5	--	16,7	50,0
Слабая скорченность	26,9	37,5	--	16,7
Руки согнуты в локтях под острым углом	35,0	14,3	75,0	16,7
Руки протянуты вдоль тела	25,0	--	25,0	33,3
Левая рука вытянута вдоль тела, правая согнута под прямым углом	15,0	--	--	--
Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута под прямым углом	--	28,6	--	--
Левая рука согнута под прямым углом, правая – под острым	--	28,6	--	--
Правая рука согнута под прямым углом, левая – под острым	15,0	28,6	--	--
Обе руки согнуты под прямым углом и направлены кистями вперед	10,0	--	--	--

Табл. 2. Удельный вес некоторых признаков в группах захоронений Ia, Iб, IIa и IIб Нижнего Подонья, Предкавказья и юга Нижнего Поволжья (%)

Признаки	Массивы захоронений	
	I	II
Присутствие взрослых	90,9	80,0
Присутствие мужчин	57,1	16,7
Расположение погребения в центральной части кургана	18,2	--
Расположение погребения в северной части кургана	27,3	85,7
Расположение погребения в южной части кургана	54,5	14,3
Положение погребенного на левом боку	77,1	50,0
Сильная скорченность	41,2	58,3
Средняя скорченность	29,4	33,3
Слабая скорченность	29,4	8,3
Руки согнуты в локтях под острым углом	29,6	57,1
Руки протянуты вдоль тела	25,9	42,9
Одна рука вытянута вдоль тела, другая согнута под прямым углом	11,1	--
Одна рука согнута под прямым углом, другая – под острым	25,9	--
Обе руки согнуты под прямым углом и направлены кистями вперед	7,4	--

Табл. 3. Удельный вес некоторых признаков в массивах захоронений I и II Нижнего Подонья, Предкавказья и юга Нижнего Поволжья (%)

Признаки	Массивы захоронений	
	I	II
Кости животных	20,0	33,3
Сосуд	17,1	58,3
Фрагменты керамики	5,7	--
Бронзовый нож	34,3	--
Бронзовое шило	8,6	--
Бронзовая игла	2,9	--
Костяная проколка	5,7	--
Костяное пряслице	8,6	16,7
Керамическое пряслице	--	16,7
Пест	2,9	--
Оселок	2,9	8,3
Костяная стрела	2,9	--
Украшения в целом	57,1	--
Астрагалы	11,4	--
Кремень	28,6	--
Раковины	2,9	--
Куски мела	2,9	8,3
Сера	5,7	--

Прим. В таблицу не включены некоторые предметы неясного назначения

Табл. 4. Частота встречаемости костей животных и различных категорий погребального инвентаря в массивах захоронений I и II Нижнего Подонья, Предкавказья и юга Нижнего Поволжья (%)

Признаки	Массивы захоронений	
	ФБУ(I)	ФБ(II)
Ориентировка умершего головой на северо-восток	7,1	17,1
Ориентировка умершего головой на восток-северо-восток	21,4	14,3
Ориентировка умершего головой на восток	35,7	20,0
Ориентировка умершего головой на восток-юго-восток	--	20,0
Ориентировка умершего головой на юго-восток	28,6	28,6
Положение умершего на левом боку	66,7	77,1
Сильная скорченность	66,7	41,2
Средняя скорченность	11,1	29,4
Слабая скорченность	22,2	29,4
Руки согнуты в локтях под острым углом	11,1	29,4
Руки протянуты вдоль тела	11,1	25,9
Одна рука вытянута вдоль тела, другая согнута под прямым углом	22,2	11,1
Одна рука вытянута вдоль тела, другая согнута под острым углом	22,2	--
Одна рука согнута под прямым углом, другая – под острым	22,2	25,9
Обе руки согнуты под прямым углом и направлены кистями вперед	11,1	7,4

Табл. 5. Удельный вес некоторых признаков в массивах захоронений ФБУ(I) и ФБ(II) (%)

Признаки	Массивы захоронений	
	Донбасс и Северо-Восточное Приазовье	Нижнее Подонье и Предкавказье
Ориентировка умершего головой на север-север-запад	0,4	--
Ориентировка умершего головой на север	4,9	0,4
Ориентировка умершего головой на север-северо-восток	4,6	4,2
Ориентировка умершего головой на северо-восток	36,2	22,3
Ориентировка умершего головой на восток-северо-восток	7,1	13,4
Ориентировка умершего головой на восток	38,7	47,9
Ориентировка умершего головой на восток-юго-восток	4,3	5,9
Ориентировка умершего головой на юго-восток	3,2	5,9
Ориентировка умершего головой на юг	0,7	--
Положение умершего на левом боку	90,6	85,8
Сильная скорченность	68,6	82,4
Средняя скорченность	28,2	16,1
Слабая скорченность	3,2	1,6
Руки согнуты в локтях под острым углом	80,3	77,1
Руки протянуты вдоль тела	--	1,1
Одна рука вытянута вдоль тела, другая согнута под прямым углом	6,6	5,1
Одна рука вытянута вдоль тела, другая согнута под острым углом	4,0	4,0
Одна рука согнута под прямым углом, другая – под острым	8,6	8,6
Обе руки согнуты под прямым углом и направлены кистями вперед	1,2	1,1
Обе руки согнуты под прямым углом, и кисть каждой направлена в сторону локтевого сгиба другой	2,3	2,9

Табл. 6. Удельный вес некоторых признаков в массивах позднесрубных захоронений (%)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Агульников С.М.** Некоторые особенности погребального обряда белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья / С.М. Агульников // Индоевропейская история в свете новых исследований. – М.: МГОУ, 2010. – С. 183-192.
- Алейников В.В.** Археологические работы на территории могильника Салок-I в 2004-2005 гг. / В.В. Алейников // Труды Археологического научно-исследовательского бюро. – Ростов н/Д, 2008. – Т. III. – С. 5-103.
- Алексеева И.Л.** Курганы эпохи палеометалла в Северо-Западном Причерноморье / И.Л. Алексеева – К.: Наук. думка, 1992. – 132 с.
- Артеменко И.И.** Среднеднепровская культура / И.И. Артеменко // Археология Украинской ССР: в 3 т. – К.: Наук. думка, 1985. – Т. 1. – С. 364-375.
- Балагури Э.А.** Культура Ноа / Э.А. Балагури // Археология Украинской ССР: в 3 т. – К.: Наук. думка, 1985. – Т. 1. – С. 481-489.
- Бейсенов А.З.** К характеристике донгальских погребений могильника Кызыл / А.З. Бейсенов, К.Н. Солодовников // Маргулановские чтения – 2011: матер. науч. конф. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. – С. 209-212.
- Белинский И.Б.** Предварительные итоги комплексного археологического изучения северной части Ставропольского края / И.Б. Белинский, Я.Б. Березин, А.А. Калмыков // МИИКНСК. – Вып. VIII: Крупновские чтения, 1971-2006. – М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. – С. 267-268.
- Беляев О.С.** Похоронения зрубной культуры і раннього залізного віку Йосипівського могильника / О.С. Беляев // Археологія. – 1981. – Вип. 36. – С. 67-70.
- Березанская С.С.** Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине / С.С. Березанская // СА. – 1960. – № 4. – С. 26-41.

- Березанская С.С.** Лебедовская культура эпохи бронзы в лесостепной Украине / С.С. Березанская // Энеолит и бронзовый век Украины. Исследования и материалы. – К.: Наук. думка, 1976. – С. 190-221.
- Березанская С.С.** Сабатиновская культура / С.С. Березанская, И.Н. Шарафутдинова // Археология Украинской ССР: в 3 т. – К.: Наук. думка, 1985. – Т. 1. – С. 489-499.
- Березанська С.С.** Мар'янівсько-бондарихинська культура / С.С. Березанська, В.А. Іллінська // Археологія Української РСР: в 3 т. – К.: Наукова думка, 1971. – Т. 1. – С. 363-373.
- Березин Я.Б.** Курган у села Красногвардейское Ставропольского края / Я.Б. Березин, А.А. Калмыков // МИИХНСК. – Вып. 1: Археология. — Ставрополь, 1998. – С. 56-95.
- Берестнев С.И.** Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.) / С.И. Берестнев – Харьков, 2001. – 264 с.
- Братченко С.Н.** Катакомбная культурно-историческая общность / С.Н. Братченко, О.Г. Шапошникова // Археология Украинской ССР: в 3 т. – К.: Наук. думка, 1985. – Т. 1. – С. 403-420.
- Брумяко И.В.** Троя и культуры Нижнего Дуная. Некоторые параллели позднего бронзового века (керамика и орнаментальные стили) / И.В. Брумяко // МАСП. – Одесса, 2010. – Вып. 11. – С. 249-300.
- Буйнов Ю.В.** Позднеландрихинские комплексы в раскопе VII поселения Родной Край – 1 / Ю.В. Буйнов, А.В. Корохина // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. – Харків, 2006. – № 728: Історія. – Вип. 38. – С. 259-272.
- Вангородська О.Г.** Вироби з золота та срібла в культурах енеоліту – бронзи на території України / О.Г. Вангородська // Археологія. – 1987. – Вип. 59. – С. 1-11.
- Ванчугов В.П.** Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье / В.П. Ванчугов – К.: Наук. думка, 1990. – 166 с.
- Варфоломеев В.В.** Поселения Кентского типа – древнейшие города Казахстана? / В.В. Варфоломеев // Материалы международной научной конференции “Роль степных городов в цивилизации кочевников”. – Астана, 2008. – С. 131-136.
- Варфоломеев В.В.** Бегазы-дандыбаевская культура степей Центральной Евразии / В.В. Варфоломеев // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: матер. науч. конф. – Т. I. – Алматы, 2011. – С. 210-230.
- Васильев И.Б.** Вольск-Лбище – новая культурная группа эпохи средней бронзы в Волго-Уралье / И.Б. Васильев // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: матер. конф. – Чебоксары, 2003. – С. 107-115.
- Васильев И.Б.** Памятники погребального типа лесостепного Поволжья / И.Б. Васильев, П.Ф. Кузнецов, А.П. Семенова // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. – Саратов, 1991. – С. 8-9.
- Васильев И.Б.** Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье / И.Б. Васильев, П.Ф. Кузнецов, А.П. Семенова // Археологические вести. – Вып. 1. – СПб., 1992. – С. 52-63.
- Гаврилюк Н.А.** О погребениях финального этапа бронзового и раннего железного веков в бассейне р. Кальмиус в Северном Приазовье / Н.А. Гаврилюк, Я.П. Гершкович // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. – К.: Наук. думка, 1982. – С. 67-71.
- Гаврилюк Н.О.** Поховання передскіфського часу біля сс. Піонерське, Передільське і Кіровське у Північному Приазов'ї / Н.О. Гаврилюк, К.І. Красильников // АДУ 2004-2005 рр. – К., 2006. – С. 410-423.
- Гарустович Г.Н.** Погребения переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку в Башкирском Зауралье / Г.Н. Гарустович // Уфимский археологический вестник. – Уфа, 2000. – Вып. 2. – С. 123-128.
- Гей А.Н.** Погребение литейщика новотиторовской культуры из Нижнего Прикубанья / А.Н. Гей // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа. – М.: Наука, 1986. – С. 13-32.
- Гей А.Н.** Новотиторовская культура / А.Н. Гей – М.: ТОО “Старый сад”, 2000. – 224 с.
- Генинг В.В.** Черная Долина в эпоху бронзы. Курганы у с. Новокаменка. – I. / В.В. Генинг, А.И. Кубышев – К., 1990. – 57 с.
- Генинг В.Ф.** Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен / В.Ф. Генинг // СА. – 1977. – № 4. – С. 53-73.
- Гершкович Я.П.** Культурно-хронологические группы погребений эпохи средней–поздней бронзы кургана у с. Пришиб / Я.П. Гершкович // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. – К.: Наук. думка, 1982. – С. 46-61.
- Гершкович Я.П.** Сабатинівська культура Нижнього Подніпров'я та Північно-Західного Приазов'я: автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.06 / Інститут археол. НАНУ. – К., 1993. – 16 с.

Гершкович Я.П. Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье – Северо-Восточное Приазовье – Подонцовье) / Я.П. Гершкович // АА. – Донецк, 1998. – № 7. – С. 61-92.

Горбов В.Н. К проблеме культурной атрибуции поселения на Белозерском лимане / В.Н. Горбов // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы: матер. науч. конф. – СПб., 1995. – Ч. II. – С. 52-72.

Горбов В.Н. Финал бронзового века Северо-Восточного Приазовья и некоторые проблемы региональных различий / В.Н. Горбов // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит и бронзовый век): тез. докл. науч. конф.: в 2 ч. – Донецк, 1996. – Ч. 2. – С. 13-21.

Горбов В.Н. Парадоксы поселения у хутора Ляпичев / Горбов В.Н. // Проблемы археологии и архитектуры: в 2 т. – Донецк; Макеевка, 2001. – Т. 1: Археология. – С. 145-171.

Горбов В. Камышеватая-XIV – поселение позднего бронзового века в Северо-Восточном Приазовье / В. Горбов, Е. Кабанова // Аркасівські читання: матер. I міжнар. наук. конф. – Миколаїв: МДУ ім. В.О. Сухомлинського, 2011. – С. 49-52.

Горбов В.Н. К вопросу о населении бассейна р. Ворскла в конце бронзового века / Горбов В.Н., Р.А. Литвиненко // ПАП. – Дніпропетровськ: Вид-во Дніпр. ун-ту, 1998. – С. 69-79.

Горбов В.Н. Культовые комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья / В.Н. Горбов, Р.А. Мимоход // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 24-69.

Горбов В.Н. “Атлет” бронзового века / В.Н. Горбов, М.Г. Руденко // Медицина в художніх образах. – Донецьк, 2004. – Вип. 3. – С. 28-31.

Горбов В.Н. Бондарихинское поселение на Северском Донце / В.Н. Горбов, А.Н. Усачук // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. – Полтава, 1990. – С. 120-122.

Горбов В.Н. Бондарихинское поселение предскифского времени и некоторые аспекты адаптации домостроительства к природным условиям / В.Н. Горбов, А.Н. Усачук // ДАС. – 2001. – Вып. 9. – С. 15-45.

Горбунов В.С. Курганный могильник эпохи поздней бронзы в Южной Башкирии / В.С. Горбунов, М.Ф. Обыденнов // СА. – 1980. – № 3. – С. 173-182.

Григорьев С.К. Бронзовый век / С.К. Григорьев // Древняя история Южного Зауралья. – Челябинск: Изд-во Южноуральского ун-та, 2000. – Т. 1. – С. 241-442.

Дворниченко В.В. Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г. / В.В. Дворниченко, Н.В. Малиновская, Г.А. Федоров-Давыдов // Древности Астраханского края. – М.: Наука, 1977. – С. 3-77.

Дворниченко В.В. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никопольской рисовых оросительных систем / В.В. Дворниченко, Э.А. Федорова-Давыдова // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. – М.: Наука, 1989. – С. 14-132.

Дворянинов С.А. К изучению ориентировки ямных погребений / С.А. Дворянинов, В.Г. Петренко, Н.А. Рычков // Древности Северо-Западного Причерноморья. – К.: Наук. думка, 1981. – С. 22-38.

Дубинець О.В. Комплекси заключного періоду доби бронзи поселення Іллічівка на Сіверському Дінці / О.В. Дубинець // МІАВУ. – Луганск, 2003. – № 1. – С. 278-288.

Евдокимов В.В. Историческая среда эпохи бронзы степей центрального и северного Казахстана / В.В. Евдокимов – Алматы, 2000. – 139 с.

Евдокимов Г.Л. Некоторые итоги изучения материалов Брилевского могильника / Г.Л. Евдокимов // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: матер. науч. конф. – Вып. III. – Запорожье, 1999. – С. 99-103.

Епимахов А.В. “Темные века” эпохи бронзы Южного Зауралья / А.В. Епимахов // РА. – 2010. – № 2. – С. 39-50.

Жемков А.И. Курганы Малого Карамана (по материалам раскопок 1983 года) / А.И. Жемков, В.А. Лопатин // АВЕС. – Саратов: Научная книга, 2007. – Вып. 5. – С. 93-118.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-казахстанских степей (основы периодизации) / Г.Б. Зданович – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. – 183 с.

Іллінська В.А. Розкопки курганів епох бронзи поблизу с. Первомаївки / В.А. Іллінська, Г.Т. Ковпаненко, Є.О. Петровська // АП. – 1960. – Т. IX. – С. 127-140.

Ильюков Л.С. Курганы Миусского полуострова / Л.С. Ильюков, Л.М. Казакова – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1988. – 168 с.

- Кабанова Е.В.** Опыт применения статистических методов для анализа керамики поселений Северо-Восточного Приазовья / Е.В. Кабанова // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век): тез. докл. научн. конф. – Донецк, 1996. – Ч. вторая. – С. 41-47.
- Калмыков А.А.** Погребение из могильника Золотаревки I и некоторые вопросы генезиса черноговской культуры / А.А. Калмыков, В.В. Потапов // ССПК. – Запорожжя, 2004. – Т. XI. – С. 103-109.
- Качалова Н.К.** Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья / Н.К. Качалова // СА. – 1978. – № 3. – С. 69-79.
- Клейн Л.С.** Археологическая типология / Л.С. Клейн. – Л., 1991. – 448 с.
- Клейн Л.С.** Археологическое исследование: Методика кабинетной работы археолога. – Кн. 1. / Л.С. Клейн – Донецк: Изд-во Дон. ун-та, 2012. – 622 с.
- Клименко В.Ф.** Раскопки курганов у с. Чернетчина Днепропетровской области. – НА ІА НАНУ. – № 1972/1'6". – 11 с.
- Клименко В.Ф.** Поселения срубной культуры на Донетчине / Клименко В.Ф. // Матеріали міжнародної археологічної конференції "Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя)". – Дніпропетровськ, 1999. – С. 86-88.
- Ковалева И.Ф.** Исследование курганных могильников у с. Верхняя Маевка в степном междуречье рек Орели и Самары / [И.Ф. Ковалева, С.С. Волкобой, З.П. Марина, В.А. Лихачев, В.А. Попцов] // Курганные древности степного Поднепровья III – I тыс. до н.э. – Днепропетровск, 1977. – С. 8-113.
- Ковалева И.Ф.** Курганы энеолита-бронзы в криворожском течении Ингульца / [И.Ф. Ковалева, З.П. Марина, В.А. Ромашко, Д.Л. Тесленко, В.Н. Шалобудов, В.А. Векленко]. – Дніпропетровськ: Вид-во Дніпр. ун-ту, 2003. – 132 с.
- Ковалева И.Ф.** Срубные курганные могильники Среднего Присамарья / И.Ф. Ковалева, В.А. Ромашко, А.В. Андросов // Курганные древности Степного Поднепровья. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1979. – С. 25-44.
- Козенкова В.И.** Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант / В.И. Козенкова // САИ. – Вып. В2-5. – М.: Наука, 1982. – 176 с.
- Колотухин В.А.** Поздний бронзовый век Крыма / В.А. Колотухин – К.: Стило, 2003. – 139 с.
- Копылов В.П.** Погребения предскифского и скифского времени в междуречье Дона и Сала / В.П. Копылов, С.И. Лукьяшко // Донские древности. – Азов, 1995. – Вып. 4. – С. 117-148.
- Кореневский С.Н.** Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа / С.Н. Кореневский, А.Б. Белинский, А.А. Калмыков – М.: Наука, 2007. – 230 с.
- Кореневский С.Н.** Курганы позднего периода среднего бронзового века у станицы Архонская в Северной Осетии / С.Н. Кореневский, Р.А. Мимоход. – М.: ИА РАН, 2011. – 120 с.
- Коренько В.А.** Погребения раннего железного века в бассейне Нижнего Дона / В.А. Коренько, В.Е. Максименко // СА. – 1978. – № 3. – С. 167-182.
- Корохина А.В.** Семантика некоторых знаков на керамике бондарихинской культуры / А.В. Корохина // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. – Луганськ, 2005. – С. 113-115.
- Костюков В.П.** К вопросу о памятниках Южного Зауралья эпохи финальной бронзы / В.П. Костюков, А.В. Епимахов, Д.В. Нелин // Новое в археологии Южного Урала. – Челябинск: Рифей, 1996. – С. 151-163.
- Кравченко Е.** Кизил-кобинська культура у Західному Криму / Е. Кравченко – К.; Луцьк, 2011. – 272 с.
- Кривцова-Гракова О.А.** Алексеевское поселение и могильник / О.А. Кривцова-Гракова // Труды ГИМ. – Вып. XVII: Археологический сборник. – М., 1948. – С. 57-164.
- Кузьмина Е.Е.** Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности / Е.Е. Кузьмина – Актобе: Принта, 2008а. – 358 с.
- Кузьмина Е.Е.** Арии – путь на юг / Е.Е. Кузьмина – М.: Летний сад, 2008б. – 558 с.
- Кузьмина О.В.** Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье / О.В. Кузьмина – Самара, 1992. – 128 с.
- Кузьмина О.В.** Соотношение абашевской и покровской культур / О.В. Кузьмина // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы: матер. науч. конф. – СПб., 1995. – Ч. II. – С. 27-51.

Кузнецов П.Ф. Памятники потаповского типа / П.Ф. Кузнецов, А.П. Семенова // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара: Изд-во Самарского науч. центра РАН, 2000. – С. 122-151.

Курманкулов Ж. Продолжение археологических исследований на поселении Талдысай в 2008 г. / [Ж. Курманкулов, А.С. Ермолаева, Ж.С. Калиева, А. Аскаков] // Отчет об археологических исследованиях. – Алматы, 2009. – С. 190-193.

Куштан Д.П. О восточных связях населения Среднего Приднепровья в эпоху поздней бронзы / Д.П. Куштан // Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии: “Маргулановские чтения – 2008”: матер. науч. конф. – Караганда, 2009. – С. 78-84.

Лазаретов И.П. Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 “Археология” / ИИМК РАН. – СПб., 2006. – 21 с.

Лапшин А.С. Памятники раннего и среднего этапов эпохи поздней бронзы Волго-Донского региона (по материалам погребальных памятников): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 “Археология” / ИИМК РАН. – СПб., 2006. – 26 с.

Левицкий О.Г. Погребение раннего железного века у г. Ганск / О.Г. Левицкий // Археологические исследования в Молдавии в 1981 г. – Кишинев: Штиинца, 1985. – С. 125-128.

Литвиненко Р.А. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья / Р.А. Литвиненко // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 4-23.

Литвиненко Р.О. Зрубна культура басейну Сіверського Дінця (за матеріалами поховальних пам'яток): автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.06 “Археология” / Інститут археол. НАНУ. – К., 1994. – 21 с.

Литвиненко Р.О. Культурне коло Бабіне (по матеріалам поховальних пам'яток): автореф. дис. ... докт. іст. наук: 07.00.04 “Археология” / Інститут археол. НАНУ. – К., 2009. – 32 с.

Логвин А.В. Погребения финальной бронзы некрополя Бестамак / А.В. Логвин, И.В. Шевнина // Археология и история Сарыарки. – Караганда, 2012. – С. 146-158.

Лопатин В.А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н.э.) / В.А. Лопатин – Саратов, 2010. – 244 с.

Лопатин В.А. Вольско-лбищенский вектор культурогенеза / В.А. Лопатин // Археологическое наследие Саратовского края. – Вып. 10. – Саратов: Научная книга, 2012. – С. 56-78.

Лукьяшко С.И. Предскифский период на Нижнем Дону / С.И. Лукьяшко // Донские древности. – Азов, 1999. – 240 с.

Малов Н.М. Погребальные памятники покровского типа в Нижнем Поволжье / Н.М. Малов // АВЕС. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989. – С. 82-101.

Мамонтов В.И. Материалы курганного могильника у озера Подгорное / В.И. Мамонтов // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. – Волгоград, 1999. – Вып. 3. – С. 46-89.

Мамонтов В.И. Нестандартные погребальные обряды сарматов / В.И. Мамонтов // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. – Астрахань: Изд-во Астраханского ун-та, 2010. – С. 179-185.

Марина З.П. Срубные курганы у с. Дубовики на р. Чаплинке / З.П. Марина, В.А. Ромашко, М.В. Попков // ПАП. – Днепропетровськ: Вид-во Дніпр. ун-ту, 1998. – С. 18-27.

Матвеева Н.П. Погребения заключительного этапа бронзового века в Зауралье / Н.П. Матвеева, О.Ю. Зимина // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – Т. I. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – С. 244-245.

Махортых С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья / С.В. Махортых – К., 2005. – 380 с.

Махортых С.В. Восточноукраинская территориальная подгруппа киммерийских памятников / С.В. Махортых // МДАСУ. – Луганськ: Вид-во СУНУ, 2006. – № 5. – С. 279-298.

Мельник В.И. Ориентирование погребенных в связи с их позой и расположением в курганах эпохи бронзы Восточноевропейских степей / В.И. Мельник // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. – М., 2003. – Ч. I. – С. 101-103.

Мерперт Н.Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья / Н.Я. Мерперт // МИА. – 1958. – № 61. – Т. II. – С. 42-156.

Мимоход Р.А. Лолинская культура финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия / Р.А. Мимоход // РА. – 2007. – № 4. – С. 143-154.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы / В.И. Молодин – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

- Моргунова Н.Л.** Скворцовский курганный могильник / [Н.Л. Моргунова, А.А. Гольева, А.Д. Дегтярева, А.А. Евгеньев, Л.В. Купцова, Н.П. Салугина, О.С. Хохлова, А.А. Хохлов]. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. – 160 с.
- Мыськов Е.П.** К проблеме периодизации памятников срубной культуры Нижнего Поволжья / Е.П. Мыськов // СА. – 1991. – № 4. – С. 145-163.
- Обыденнов М.Ф.** Ареал межовской культуры позднего бронзового века и характеристика поселений на Южном Урале / М.Ф. Обыденнов // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1985. – С. 120-141.
- Островерхов А.С.** Древнейшее археологическое стекло Восточной Европы (конец IV тыс. до н.э. – первая половина VII в. до н.э.) / А.С. Островерхов // Stratum plus. – № 2. – СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2001-2002. – С. 386-430.
- Отрощенко В.В.** Белозерская культура / В.В. Отрощенко // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – К.: Наук. думка, 1986. – С. 117-152.
- Отрощенко В.В.** Особенности погребений черноговровской группы / В.В. Отрощенко // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: тез. докл. конф. – Вып. 1. – Запорожье, 1989. – С. 111-112.
- Отрощенко В.В.** О ранней обрядовой группе погребений культуры многоваликовой керамики в Левобережной Украине / В.В. Отрощенко // История и археология Слободской Украины. – Харьков, 1992. – С. 163-165.
- Отрощенко В.В.** К вопросу о доно-волжской абашевской культуре / В.В. Отрощенко // АВЛ. – Вып. 11: Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1998. – С. 52-59.
- Отрощенко В.В.** Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення) / В.В. Отрощенко – К., 2001. – 288 с.
- Отрощенко В.В.** О восточной границе и восточных связях племен белозерской культуры / В.В. Отрощенко, Н.П. Шевченко // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. – К.: Наук. думка, 1987. – С. 131-144.
- Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье** // САИ. – Вып. В1-10. – Саратов, 1993. – 200 с.
- Парусимов И.Н.** Раскопки курганов у хутора Крылов / И.Н. Парусимов // ИАИАИАНД в 2003 г. – Азов, 2004. – Вып. 20. – С. 44-55.
- Парусимов И.Н.** Раскопки курганов могильника Рябичев / И.Н. Парусимов // Труды Археологического научно-исследовательского бюро. – Т. IV. – Ростов н/Д, 2009. – С. 26-65.
- Петренко В.Г.** Усатовская локальная группа / В.Г. Петренко // Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. – К.: Наук. думка, 1989. – С. 81-124.
- Петрова Л.Ю.** Поселения финальной бронзы степного Зауралья / Л.Ю. Петрова // Маргулановские чтения – 2011: матер. науч. конф. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. – С. 324-326.
- Писларий И.А.** Новые памятники эпохи бронзы в среднем течении Северского Донца / И.А. Писларий // АИУ в 1968. – К.: Наук. думка, 1971. – Вып. III. – С. 130-132.
- Писларий И.А.** Культура многоваликовой керамики Восточной Украины: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.06 “Археология” / Моск. ун-т. – М., 1983. – 22 с.
- Подобед В.А.** Погребения с шильями и иглами в культурах Восточной Европы эпохи поздней бронзы и предскифского времени (степь и лесостепь) / В.А. Подобед, В.В. Цимидапов // ДАЗ. – 2009/2010. – № 13/14. – Донецк, 2010. – С. 98-120.
- Полидович Ю.Б.** О наиболее поздних погребениях срубной культуры / Ю.Б. Полидович, В.В. Цимидапов // Проблемы хронологии культур энеолита-бронзового века Украины и юга Восточной Европы. – Днепрпетровск, 1994. – С. 44-46.
- Попандопуло З.Х.** Курганные могильники у сел. Овчарное и Новоукраинка Вольнянского района / З.Х. Попандопуло, О.А. Шмакова // ССПК. – Т. VII. – Запорижжя, 1999. – С. 155-171.
- Потапов В.В.** Погребения XII-X в. до н.э. в Волго-Донских степях (к проблеме отбора источников) / В.В. Потапов // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен Южнорусских степей. – Саратов, 1997. – С. 128-129.
- Потапов В.В.** Погребения белозерского хронологического горизонта в бассейне Нижнего Дона и Северо-Восточном Приазовье / В.В. Потапов // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. – Ростов н/Д, 1998. – С. 61-63.

- Потапов В.В.** Черногоровские погребения в низовьях левого берега Дона / В.В. Потапов // Донская археология. – 1999. – № 1. – С. 62-68.
- Потапов В.В.** Памятники конца эпохи поздней бронзы на р. Смела / В.В. Потапов // Донская археология. – 2000. – № 3-4. – С. 62-69.
- Потапов В.В.** О культурной атрибуции памятников финала поздней бронзы Нижнего Подонья / В.В. Потапов // II Городцовские чтения: Матер. научн. конф., посвящ. 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. – М., 2005. – С. 138-150.
- Потапов В.В.** Погребение с набором украшений в низовьях р. Сал / В.В. Потапов // МДАСУ. – Луганск: Вид-во СУНУ, 2007. – № 7. – С. 269-273.
- Потапов В.В.** Целинские курганы / В.В. Потапов // Труды Археологического научно-исследовательского бюро. – Т. IV. – Ростов н/Д, 2009. – С. 74-93.
- Потапов В.В.** Памятники финальной бронзы Нижнего Подонья: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 “Археология” / ИА РАН – М., 2010а. – 25 с.
- Потапов В.В.** Пластинчатые височные кольца и подвески на Нижнем Дону и в Предкавказье (финальный этап эпохи бронзы) / В.В. Потапов // РА. – 2010б. – № 1. – С. 155-162.
- Потемкина Т.М.** О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье / Т.М. Потемкина // СА. – 1979. – № 2. – С. 19-30.
- Потемкина Т.М.** Алакульская культура / Т.М. Потемкина // СА. – 1983. – № 2. – С. 13-33.
- Прокофьев Р.В.** Курганы с камнем на правобережье Северского Донца / Р.В. Прокофьев // ИАИАНД. – Вып. 20. – Азов, 2004. – С. 215-240.
- Пряхин А.Д.** О выделении воронежской культуры эпохи бронзы / А.Д. Пряхин, В.И. Беседин // СА. – 1988. – № 3. – С. 21-36.
- Пряхин А.Д.** К оценке абашевских погребений Подклетного могильника / А.Д. Пряхин, В.И. Беседин // [Пряхин А.Д., Беседин В.И., Захарова Е.Ю., Саврасов А.С., Сафонов И.Е., Свистова Е.Б.] Доно-волжская абашевская культура. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 2001. – С. 9-32.
- Рогудеев В.В.** Археологический комплекс Закотное-I / В.В. Рогудеев // Труды Археологического научно-исследовательского бюро. – Т. IV. – Ростов н/Д, 2009. – С. 94-146.
- Ромашко В.А.** Павлоградское поселение эпохи бронзы (к вопросу о территории распространения и культурной принадлежности памятников обиточенского типа) / В.А. Ромашко // ПАП. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1995а. – С. 114-134.
- Ромашко В.А.** Поздний бронзовый век в пограничье Лесостепи и Степи Левобережной Украины (XII–X вв. до н.э.) / В.А. Ромашко – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1995б. – 92 с.
- Ромашко В.А.** “Чернолесская” столовая посуда культур позднего бронзового века Левобережной Украины / В.А. Ромашко // ПАП. – Вип. 1. – Дніпропетровськ: Вид-во Дніпр. ун-ту, 1998. – С. 79-95.
- Ромашко В.А.** Погребальный обряд позднесрубных племен Украины: критерии отбора источников, региональные особенности / В.А. Ромашко // ПАП. – Дніпропетровськ: Вид-во Дніпр. ун-ту, 1999. – С. 119-138.
- Ромашко В.А.** 3 приводу призначення так званих “кішок” / В.А. Ромашко // Археологія. – 2011. – № 1 – С. 101-104.
- Рутто Н.Г.** Срубно-алакульские связи на Южном Урале / Н.Г. Рутто – Уфа: Гилем, 2003. – 212 с.
- Рычков Н.А.** Этническая характеристика населения ямной культуры Северного Причерноморья (по курганным памятникам): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 “Археология” / ИА АН УССР. – К., 1990. – 16 с.
- Савва Е.Н.** Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья / Е.Н. Савва – Кишинев: Штиинца, 1992. – 227 с.
- Самар В.А.** Курганы срубного времени из Приазовья / В.А. Самар // ДСПК. – Т. II. – Запорожье, 1991. – С. 125-136.
- Самар В.А.** Бешташ – поселение раннебелозерского времени в Северном Приазовье / В.А. Самар // Регіональні і загальні в історії: тез. доп. конф. – Дніпропетровськ: Пороги, 1995. – С. 66-68.
- Санжаров С.Н.** Возрождение ямных традиций или проблема идентификации признаков абашевского погребального обряда в Подонцовье / С.Н. Санжаров // МДАСУ. – № 8. – Луганск: Вид-во СУНУ, 2008. – С. 20-37.

- Сараев В.В.** Шамсунский клад эпохи поздней бронзы у северных склонов Заилийского Алатау / В.В. Сараев, А.А. Горячев // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных наук. – 2011. – № 3 (282). – Алматы: НАН РК. – С. 37-47.
- Семенова А.П.** Погребальные памятники срубной культуры / А.П. Семенова // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара, 2000. – С. 152-208.
- Смирнов А.С.** Поселение эпохи поздней бронзы в верховьях Северского Донца / А.С. Смирнов, А.И. Сорокин // СА. – 1984. – № 4. – С. 138-149.
- Смирнов К.Ф.** Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области / К.Ф. Смирнов // МИА. – 1959. – № 60. – С. 206-322.
- Смирнов К.Ф.** Быковские курганы / К.Ф. Смирнов // МИА. – 1960. – № 78. – С. 169-268.
- Сорокина И.А.** Погребения эпохи поздней бронзы в Нижнем Прикубанье / И.А. Сорокина // СА. – 1985. – № 3. – С. 136-151.
- Сорокина И.А.** Поздний период бронзового века в Западном Предкавказье / И.А. Сорокина // Археология Адыгеи. – Майкоп: Меоты, 1995. – С. 42-72.
- Стадник А.И.** Слой эпохи поздней бронзы на поселении Заозерное I / А.И. Стадник // МДАСУ. – № 11. – Луганск: Вид-во СУНУ, 2011. – С. 262-271.
- Супруненко О.Б.** Курганы поблизу с. Солонці на Нижньому Пслі / О.Б. Супруненко // Старожитності околиць Комсомольська. – К.; Полтава, 2007. – Ч. V. – 142 с.
- Супруненко О.Б.** Дослідження курганів поблизу с. Кузьменки на Нижньому Пслі / О.Б. Супруненко // АДУ 2011. – К.: Волинські старожитності, 2012. – С. 374-376.
- Таиров А.Д.** К вопросу о генезисе культур раннесакского времени урало-казахстанских степей / А.Д. Таиров // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза) / Этногенез уральских народов. – Челябинск: Рифей, 2006. – С. 256-298.
- Телиженко С.А.** Исследования многослойного памятника Зелена Горница-4 / С.А. Телиженко, А.В. Супрун // МДАСУ. – Луганск: Вид-во СУНУ, 2004. – № 3. – С. 188-228.
- Тереножкин А.И.** Киммерийцы / А.И. Тереножкин – К.: Наук. думка, 1976. – 224 с.
- Ткачев А.А.** Центральный Казахстан в эпоху бронзы / А.А. Ткачев – Тюмень: ТюмГИГУ, 2002. – Ч. 2. – 243 с.
- Ткачева Н.А.** Погребальный обряд андроновского населения Восточного Казахстана / Н.А. Ткачева // Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии: “Маргулановские чтения – 2008”. – Караганда, 2009. – С. 210-216.
- Ткачева Н.А.** Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья / Н.А. Ткачева, А.А. Ткачев – Новосибирск: Наука, 2008. – 304 с.
- Томилов М.А.** Сибирские татары / М.А. Томилов // Семейная обрядность народов Сибири. – М.: Наука, 1980. – С. 119-123.
- Трифонов В.А.** Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы (периодизация) / В.А. Трифонов // Древние культуры Прикубанья. – Л.: Наука, 1991. – С. 92-166.
- Трубников В.В.** Поселение финала эпохи поздней бронзы в низовьях р. Северский Донец / В.В. Трубников // Труды Археологического научно-исследовательского бюро. – Т. IV. – Ростов н/Д, 2009. – С. 149-172.
- Труды Новочеркасской археологической экспедиции** / Сост. И.Н. Парусимов. – Ростов н/Д, 1997. – Вып. 2. – 68 с.
- Тугушев П.Е.** Городище “Петровский городок” у села Усть-Курдюм Саратовского района Саратовской области: два аспекта исследования / П.Е. Тугушев // Археологическое наследие Саратовского края. – Вып. 9. – Саратов: Полиграфия Поволжья, 2009. – С. 91-99.
- Усачук А.М.** Розкопки кургану на околиці Маріуполя (Північно-Східне Приазов'я) / [А.М. Усачук, В.В. Циміданов, В.А. Підобід, Р.О. Литвиненко] // АДУ 2005-2007 рр. – К.; Запоріжжя: Дике поле, 2007. – С. 388-395.
- Усачук А.Н., Подобед В.А., Цимиданов В.В.** Отчет об исследованиях кургана на западной окраине города Мариуполя Донецкой области в 2005 году. – НА ИА НАНУ. – № 2005/178. – 58 с.
- Усманова М.С.** Хакасы / М.С. Усманова // Семейная обрядность народов Сибири. – М.: Наука, 1980. – С. 108-113.
- Федоров В.К.** Ново-Байрамгуловский курган эпохи финальной бронзы в Башкирском Зауралье / В.К. Федоров, В.Н. Васильев // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2009. – С. 70-73.

- Федорова-Давыдова Э.А.** Племена Южного Приуралья в эпоху бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Моск. ун-т. – М., 1968. – 26 с.
- Халиков А.Х.** Приказанская культура / А.Х. Халиков // САИ. – Вып. В1-24. – М.: Наука, 1980. – 129 с.
- Хреков А.А.** К вопросу о памятниках финальной бронзы Волго-Донского лесостепного междуречья / А.А. Хреков // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. – Вып. 5. – Саратов: Научная книга, 2003. – С. 103-128.
- Хреков А.А.** Тростянский курган и некоторые вопросы древней истории Волго-Донского лесостепного междуречья / А.А. Хреков // Археологическое наследие Саратовского края. – Вып. 6. – Саратов: Научная книга, 2005. – С. 5-19.
- Цимиданов В.В.** З'єднувальні досипки у курганній архітектурі зрубної культури: проблема семантики / В.В. Цимиданов // МДАСУ. – Луганськ: Вид-во СУНУ, 2004. – № 3. – С. 229-248.
- Цимиданов В.В.** Срубная общность в свете циклических теорий развития / В.В. Цимиданов // ДАС. – Донецк, 2006. – № 12. – С. 70-102.
- Чередниченко Н.Н.** История срубных племен Подонья (XV-IX в.в. до н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 “Археология” / ИА АН УССР. – К., 1973. – 37 с.
- Чередниченко М.М.** Характерні риси зрубних поселень Подоння / М.М. Чередниченко // Археологія. – 1976. – Вип. 20. – С. 22-30.
- Чередниченко Н.Н.** Срубная культура / Н.Н. Чередниченко // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – К.: Наук. думка, 1986. – С. 44-82.
- Черненко Е.В.** Курганная группа Широкое III / Е.В. Черненко, А.В. Симоненко // Курганы Южной Херсонщины. – К.: Наук. думка, 1977. – С. 3-53.
- Черников С.С.** Восточный Казахстан в эпоху бронзы / С.С. Черников // МИА. – 1960. – № 88. – 272 с.
- Черняков И.Т.** Культурно-хронологические особенности курганных погребений эпохи бронзы Нижнего Дуная / И.Т. Черняков, Г.Н. Тошев // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. – К.: Наук. думка, 1985. – С. 5-31.
- Членова Н.Л.** Распространение и пути связей древних культур Восточной Европы, Казахстана, Сибири и Средней Азии в эпоху поздней бронзы / Н.Л. Членова // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. – М.: Наука, 1981. – С. 22-32.
- Шарафутдинова И.Н.** Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы / И.Н. Шарафутдинова – К.: Наук. думка, 1982. – 157 с.
- Шарафутдинова Э.С.** Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура) / Э.С. Шарафутдинова // САИ. – Вып. В1-11. – Л.: Наука, 1980. – 128 с.
- Шарафутдинова Э.С.** Периодизация срубной культуры Нижнего Подонья / Э.С. Шарафутдинова // Срубная культурно-историческая общность (Проблемы формирования и периодизации). – Куйбышев, 1985. – С. 146-183.
- Шарафутдинова Э.С.** Новые данные о памятниках эпохи поздней бронзы и начала раннего железа на Кубани / Э.С. Шарафутдинова // Древние культуры Прикубанья. – Л.: Наука, 1991а. – С. 70-91.
- Шарафутдинова Э.С.** Памятники конца эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону и степном Прикубанье / Э.С. Шарафутдинова // СА. – 1991б. – № 1. – С. 184-196.
- Шарафутдинова Э.С.** Начальный этап эпохи поздней бронзы в Нижнем Подонье и на Северском Донце / Э.С. Шарафутдинова // Донские древности. – Вып. 4. – Азов, 1995. – С. 93-116.
- Шишлина Н.И.** Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V-III тысячелетия до н.э.) / Н.И. Шишлина – М., 2007. – 400 с.
- Яровой Е.В.** Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР / Е.В. Яровой – Кишинев: Штиинца, 1985. – 127 с.
- Chochorowski J.** Metodyczne i metodologiczne problemy datowania radiowęglowego pozostałości kremacji z grobów ciałopalnych kultury luzyckiej (na przykładzie materiałów z cmentarzyska w Kietrze) / J. Chochorowski // Studia nad epoką brązu i wczesną epoką żelaza w Europie. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2007. – S. 103-138.
- Kašuba M.** Die ältesten Fibeln im Nordpontos / M. Kašuba // EA. – 2009. – XIV. – S. 193-232.
- Nicic A.** Interferențe cultural-cronologice în nord-vestul Pontului Euxin la finele mil. II. – începutul mil. I a. Chr. / A. Nicic. – Chișinău: “Bons Offices” SRL, 2008. – 282 p.